

ФРИДРИХ ГЕРШТЕККЕР

ЛУГОВЫЕ
РАЗБОЙНИКИ

Классика приключенческого романа

Фридрих Герштеккер
Луговые разбойники

«Public Domain»

ББК 84(4Гер)

Герштеккер Ф.

Луговые разбойники / Ф. Герштеккер — «Public Domain»,
— (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-02621-8

Немец Фридрих Герштеккер (1818–1872) известен как путешественник и романист. На рубеже XIX–XX вв. его сочинения были так же популярны, как книги Густава Эмара, Томаса Майн Рида или Фенимора Купера. Герштеккер не ставил перед собою задачи в занимательной форме познакомить читателей с обычаями и нравами далеких для европейца мест. Он просто со свойственным ему чувством юмора рассказывал о том, что видел, слышал, пережил. И если не знать, что Герштеккер – немец, можно подумать, что романы, созданные им, относятся, скорее, к американской литературе. В публикуемом здесь романе «Луговые разбойники» звучат очень редкие для приключенческих книг интонации. В книге присутствует слегка ироничное отношение к происходящему, напоминающее чем-то американский фольклор. К тому же этот роман – несомненная удача автора – не делит мир на черное и белое. Отношения между бандитами-конокрадами, их непримиримыми врагами – регуляторами, то есть линчевателями, и фермерами Дальнего Запада вовсе не так однозначны, как принято описывать в подобной литературе.

ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-02621-8

© Герштеккер Ф.
© Public Domain

Содержание

Часть I	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	24
Глава VI	29
Глава VII	34
Глава VIII	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фридрих Герштейкер

Луговые разбойники

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», 2008

Часть I

Под покровом рясы

Глава I

Свидание конокрадов

Ясный теплый майский день сменил наконец весенние грозы. Благоухание высоченных сосен, кедров и дубов смешивалось с запахом длинных лиан, переплетавших их могучие стволы. Однако яркие солнечные лучи, золотившие вершины деревьев, не проникали в чащу леса, до того были густы их величавые кроны. Там в полумраке густого кустарника у подножия громадного кедра расположились несколько человек, видимо весьма довольных свежестью и уютом выбранного местечка для отдыха.

– Право, лучшего места для того, чтобы поверять друг другу свои тайны, и не найти! – весело сказал один из них. – Нарочно такого прекрасного убежища не устроишь! Смотрите, с одной стороны нас прикрывает тянущееся вдоль реки болото, а с другой – терновник, сквозь который вряд ли кому-нибудь захочется продираться!

Восторгавшийся удобством привала был воистину Геркулес, с открытым, смелым лицом. В глазах его светились отвага и удаля. Синяя суконная блуза, облекавшая могучий стан, была изрядно поношена и в нескольких местах покрыта пятнами крови убитого и только что освеженного оленя, шкура которого висела неподалеку на сучке дерева. Старая помятая касторовая¹ шляпа валялась у ног охотника, обутых в заплатажные кожаные башмаки и мокасины из буйволового кожи.

Около него стоял, прислонившись к дереву, другой спутник, на вид гораздо более приличный и почище одетый. Бродячая жизнь не успела наложить на него своего отпечатка, да и его крайняя молодость – лет семнадцать-восемнадцать – явно свидетельствовала о том, что он еще недавно покинул родительский кров.

Третий собеседник принадлежал, по-видимому, к зажиточным фермерам Дальнего Запада. Опрятная одежда, вычищенные башмаки, новая шляпа и вежливое обращение смягчали впечатление, производимое его грубоватыми спутниками.

– Однако хотел бы я знать, куда это запропастился бездельник Рюш? Черт бы его побрал, – обещал прийти с восходом солнца, а мы его ждем здесь уже больше трех часов! – прервал молчание младший собеседник. – Будь он неладен, обманщик несчастный!

– Чего вы возмущаетесь: ведь от этого он раньше не придет! – заметил фермер. – А впрочем, – нетерпеливо добавил он, – мне тоже надоело ждать его. В десять часов я должен быть на проповеди, а для этого мне предстоит пройти добрых шесть миль!

– Как ловко умеете вы совмещать два совершенно несовместимых занятия – читать нравственные проповеди и заниматься конокрадством! – не без иронии заметил охотник. – Впрочем, воскресенье довольно плохой день для вашего второго занятия. Ну, да как бы там ни было, вы мне надоели своими нравоучениями, и я попрошу вас в нашем присутствии оставить их при себе. Нас ведь вы не обморочите своим напускным благочестием!

– Не горячитесь, молодой человек, – сказал невозмутимо фермер, – а посмотрите-ка лучше на вашу собаку. Мне кажется, она что-то почуяла.

Действительно, лежавшая невдалеке черная собака привстала, понюхала воздух, негромко полаяла и опять улеглась на прежнее место.

---

¹ Кастор – сорт плотного сукна с ворсистой изнанкой.

Охотник, следивший за движениями собаки, тотчас же поднялся.

– Она почуяла своего, раз не трогается с места. Это наверняка Рюш! А вот и он! Послушайте, Рюш, мы собрались сюда вовсе не затем, чтобы нас здесь даром кусали москиты да древесные клопы. Что помешало вам прийти в назначенное время?

Показавшийся из-за деревьев человек был зрелых лет. Костюм его, как и у фермера, был чист и опрятен. У пояса висели два кисета, с порохом и пулями, а через плечо – длинный карабин.

– Мое почтение, друзья! – приветствовал он ожидавших его приятелей. – Простите, что заставил вас ждать, но, право, я не мог раньше придти. По дороге мне попались Браун, старикашка Гарпер и индеец, а я вовсе не хотел, чтобы они знали, куда я направляюсь. Очень уж они проницательны. Что же касается проклятого краснокожего, то пора бы хорошим ружейным выстрелом избавить наши леса от этой твари. Да, вот что, Коттон, – добавил он, довольно сердито обращаясь к охотнику, – перестаньте, пожалуйста, называть меня Рюшем. Ведь если это имя услышат посторонние, то меня тотчас же вздернут. Я теперь Джонсон – и баста!

– Ну, мне кажется, – возразил охотник, – будь вы Рюш или Джонсон, все равно вам не миновать виселицы, так же как и нам. Однако к делу! За последние две недели мы не заработали ни пенса. Пора позаботиться о наших доходах, джентльмены!

С этими словами он вытащил флягу с виски и с наслаждением проглотил изрядную порцию живительной влаги. Затем охотник передал ее фермеру Роусону, который, однако, уклонился от угощения и передал флягу Джонсону. Тот с готовностью принял, потянул из нее и, в свою очередь, поднес молодому охотнику со словами:

– Полно, Уэстон, не притворяйтесь, что вас нещадно искушали москиты!

– К делу так к делу, джентльмены! Мы собрались сюда вовсе не для болтовни о пустяках, да и наше пребывание здесь не совсем безопасно, если, как говорит Джонсон, поблизости шляются индеец и его приятели, – напомнил фермер. – Из-за проклятого общества «Регуляторы» нам так и не удалось ничего сделать, а деньги мне необходимы. Странно было бы заниматься земледелием, когда есть возможность заниматься ремеслом более выгодным и приятным. Я благодаря незапятнанной репутации...

– Пусть черт оторвет вам язык! – возмутился Коттон. – Приберегите свое благочестие для миссис Робертс, а с нами не смейте так разговаривать!

– Благодаря устойчивой репутации, которой я пользуюсь среди местных жителей, – настойчиво продолжал Роусон, – я могу заходить во все окрестные фермы, а потому имею самые точные сведения о количестве лошадей у всех фермеров. Я полагал бы начать со Спринг-Крика по ту сторону Литл-Джен. У Гюсфильда можно будет стянуть лошадей восемь без особого труда, да к тому же очень недурных лошадей – прекрасных скакунов. С ними мы в два дня скроемся от преследования!

– Прекрасно, – сказал Джонсон, – но ведь, таким образом, мы очутимся миль на пятьдесят за Миссисипи!

– Это все же лучше, чем встреча с регуляторами!

– А что, если мы отложим наше предприятие до будущей недели? – спросил Джонсон. – За это время я успел бы съездить в Вашиту.

– Не могу я больше ждать! – нетерпеливо топнул ногой Роусон. – В первый понедельник июня у меня с торгов продадут ранчо, если не выплачу аренду в срок, а я этого не могу допустить! Ну, да не в том дело! Согласны вы или нет? При удаче предприятия каждый из нас в течение недели заработает не меньше трех сотен долларов!

– Ладно, я согласен! – отозвался Коттон.

– Скажи, Роусон, как ты думаешь действовать? – спросил Джонсон.

– Сейчас узнаешь! – ответил тот. – Двое из нас с ружьями и по, крайней мере, с тремя недоузками² отправятся через Литл-Джен к мельнице в Спринг Крике. Недоуздки надо тщательно спрятать под одеждой, а необходимы они потому, что в прошлый раз мы изодрали рты лошадям веревками и тем обесценили товар, который, конечно, всем показался подозрительным. От мельницы до фермы Гюсфильда рукой подать. Добравшись до угла изгороди, нужно повернуть влево, по тропинке, ведущей в глубь леса. Затем она круто поворачивает и кончается у двора фермы, где находятся конюшни. У Гюсфильда двадцать семь лошадей, кроме жеребят и жеребцов. Их-то мы должны оставить в покое, потому что фермер тотчас же заметит исчезновение, и нам тогда несдобровать. Самым удобным моментом для угона кобыл будет тот, когда весь табун подойдет к изгороди. Советую в точности следовать сказанному мною, иначе на другой же день утром дюжина регуляторов, с карабинами и длинными, как сабли, ножами, нагонит нас. Надо постараться, чтобы не только не быть пойманными, но и оказаться вне всяких подозрений. Нужно также соблюдать крайнюю осторожность, чтобы на мельнице нас не заметил кто-нибудь из работников фермы, которые часто туда приходят. Те, на кого падет жребий идти за лошадьми, по мнению моему, должны перебраться на другой берег реки, там есть тропинка, проходящая неподалеку от Спринг Крика. Это тем более удобно, что почва там каменистая, и преследователи не отыщут наших следов.

– Ну а кто же должен туда отправиться? – осведомился Коттон, которому, очевидно, не особенно улыбалась перспектива столь близкого соседства с фермой, откуда вслед за грабителями должны были вскоре примчаться и грозные регуляторы.

– По-моему, – хитро попытался было отвертеться Роусон, – это решит жребий, так как в прошлый раз мы все четверо одинаково рисковали, вы с Уэстоном уводя лошадей, а мы с Джонсоном продавая их!

– Ну, нет! Риск был далеко не одинаковый, да, кроме того, вы, Роусон, прекрасно, по-видимому, знаете местность, где нам придется действовать, так вам и надо идти туда.

– Конечно, конечно! – подхватил Джонсон. – Тем более что мне не особенно хотелось бы встречаться с Гюсфильдом на его земле. Недавно он оскорбил меня, и я хотел бы с ним свести счеты, но мне будет противно сделать это у него же на ферме!

– В таком случае я согласен идти, – согласился припертый к стене фермер, – но предупреждаю, что дальше Мамаля я лошадей не поведу, то есть до песчаной мели, отделяющей воды Мамаля от Фуриш Лафава. Там, у источника, мы встретимся, и двое других поведут лошадей на остров. Кто же отправится со мною и кто будет ожидать у Мамаля?

– Я предложил бы жребий следующего рода, – сказал Коттон. – Завтра поутру отправимся на охоту, каждый отдельно. Кто принесет сюда во вторник утром больше дичи, тот освобождается от рискованной поездки.

– Чудесно! – согласился Роусон. – Я, ради развлечения, тоже займусь охотой и посмотрю, кого судьба изберет мне в спутники!

– Итак, до завтра! – добавил Джонсон. – Я думаю подняться вверх по реке и рассчитываю исходить весь лес!

– Ну, так мы с вами встретимся там, – сказал Уэстон, – там у меня остались кое-какие вещи, которые теперь мне крайне необходимы.

– Я тоже отправлюсь туда, – прибавил Роусон, – хотя целый день охотиться не могу. Я обещал миссис Лоулин быть у нее и председательствовать во время проповеди. Теперь пора и расстаться!

– Подождите, Роусон, – перебил его Коттон, – нужно же сговориться о том, как избавиться от проклятых регуляторов, если они нападут на наш след и вздумают нас преследовать.

Роусон, уже отошедший на некоторое расстояние, подошел к охотнику.

---

² Недоуздок – уздечка без удила.

– Да, кстати, – сказал он, – раз вы заговорили о делах опять, то я вспомнил одну вещь, которую совсем забыл передать вам. Судья из Пулосеки отдал приказ схватить вас, милейший Коттон, за какие-то прегрешения!

– Что за прегрешения? Что вы плетете? – как бы изумившись, осведомился Коттон.

– Право, не помню. Кажется, говорят о каком-то банковом билете в пятьдесят долларов, об обещании жениться и, наконец, о найденном трупе человека, пропавшего без вести три месяца назад.

– Проклятье! – зарычал Коттон. – Мне, очевидно, пора покинуть Арканзас. Хорошо, что вы меня предупредили: здешний воздух становится мне вредным. Немедленно же после окончания нашего предприятия доберусь до Миссисипи и удеру в Техас!

– А отчего бы вам не отправиться через прерию?

– Ну нет! Слуга покорный! С индейцами у меня не совсем дружеские отношения.

– А, так вот в чем дело! Правда, Коттон, что у вас на руке какое-то клеймо, имеющее кое-какую связь с черокезами?³

– Теперь не время рассказывать эту историю, Роусон, – нетерпеливо сказал охотник, – к тому же и вам не мешало бы быть поосторожнее!

– Ну, я-то могу быть спокоен: кто может подозревать волка под одеждой методиста-проповедника?!

– Вы жестоко ошибаетесь! Разве Гитзкот не назвал вас недавно лгуном и мошенником в рясе?

Роусон побледнел при напоминании о нанесенном ему оскорблении, но сдержался.

– Да, Коттон, этот человек опасен, для нас тем более, что его подозрения не ограничиваются только мною, он сказал что-то и об Аткинсе. Что же касается его оскорблений, то я как проповедник не мог отвечать на них тем же самым, и...

– Иначе Гитзкот хорошим ударом кулака между глаз на месте уложил бы вас! – невозмутимо заметил Коттон.

– Перестаньте, Коттон, – поддержал фермера Джонсон, – теперь вовсе не время ссориться, да и Роусон прав: в качестве проповедника он действительно должен был безропотно снести обиду и держать себя сообразно своей профессии!

– Даже когда крадет лошадей вместе с нами? – не унимался Коттон.

– Перестаньте же наконец! – гневно закричал Роусон. – Вы не должны забывать, что все мы, в случае поимки, будем немедленно судимы законом Линча и тотчас же повешены!

– Регуляторы не посмеют сделать этого! – воскликнул Коттон. – Правительство запретило всякого рода самосуды!..

– А скажите, пожалуйста, какое значение имеет это распоряжение у нас, в Арканзасе? – сказал, улыбаясь, Роусон. – Если регуляторов наберется человек тридцать, правительство не станет их преследовать, поняв, что они вынуждены были поступить так. Да и в самом деле, регуляторы, собственно говоря, правы: я на их месте поступил бы точно так же.

– Тем не менее их намерения в данное время расходятся с нашими, – продолжал Джонсон, – и мы должны выйти победителями из этой борьбы, хотя бы ценой смерти этих негодяев. Аткинс может успешно содействовать нам благодаря своему прекрасному положению, и я думаю, что нам удастся расстроить планы регуляторов, хотя, как говорят, они выбрали своим предводителем Гитзкота...

– Ого! Гитзкота выбрали предводителем отряда регуляторов? – с испугом воскликнул фермер. – Ну, значит, наша экспедиция станет для меня здесь последней. Право, не стоит так сильно рисковать головой из-за материальных выгод. По-моему, в таком случае нам лучше

---

³ Черокезы – племя индейцев чероки, входящее в ирокезский союз племен с конца XVI в. На языке чероки существовало слоговое письмо, созданное в начале XIX в. метисом Секвойей.

перенести наши операции в штат Миссури, где Уэстон, благодаря прекрасному знанию местности, сможет нами руководить, да и я сам довольно хорошо знаком с теми местами.

– Вы правы, – отозвался иронически Коттон, – и там вы успели приобрести расположение не только людей, но, кажется, и лошадей. По крайней мере, я слышал, что при вашем отъезде оттуда три или четыре кобылы поскакали за вами единственно из сердечной привязанности к вам!

При грубоватой шутке охотника и Роусон не смог удержаться от смеха, но тотчас же снова заговорил серьезным тоном:

– Друзья! Обстоятельства несколько меняют первоначальный план. Нам лучше не доставлять лошадей на остров, иначе, того и гляди, регуляторы пронюхают, в чем дело, а это весьма небезопасно не столько для нас, сколько для наших друзей, укрывающихся на острове. Лучше ждите нас у озера Госвела. Если нам удастся добраться до него, то я знаю прекрасное средство избежать преследования.

– Что же, однако, мы будем делать, если регуляторам удастся обнаружить наше убежище у Аткинса? – уныло спросил Коттон.

– Пока еще слишком рано опускать руки. Быть может, нам не нужно будет даже и заезжать к Аткинсу. Недаром я прожил в лесу столько лет, поверьте, что сумею отвести глаза преследователям. Не будь я Роусоном, если в назначенное время не явлюсь в условленное место!

– Хорошо сказано! – заметил Коттон. – Тем не менее я предлагаю вам, джентльмены, поклясться друг другу в верности и в том, что если кого-нибудь из нас поймают, то, несмотря ни на какие пытки, он не выдаст остальных.

При этих словах молодой Уэстон выхватил громадный нож и воскликнул:

– Жестокая смерть тому, кто предаст своих братьев! Пусть отсохнут у него руки и отнимется язык, пусть он навеки ослепнет!

– Ого, какая ужасная клятва, – сказал Джонсон, – тем не менее я принимаю ее!

– И я также! – присоединился Роусон. – Хотя общие интересы и опасности настолько связывают нас, что не предвидится особой надобности ни в каких клятвах. В противном же случае я немедленно удеру в Техас! Итак, прощайте, джентльмены, прощайте, Джонсон! Где мы завтра встретимся с вами?

– У источника Сеттерх-Крик, что у подножия горы!

Роусон тотчас же скрылся в чаще деревьев. Коттон уже собирался последовать его примеру, как Джонсон остановил его тревожным вопросом, верит ли он в искренность проповедника.

– Сказать по правде, – отвечал охотник, – я не особенно доверяю этому лицемерному проходимцу. Его манеры, жесты, натянутая улыбка не особенно-то говорят в его пользу. Да и случай с Гитзкотом мне кажется очень подозрительным. Скажи этот нахал то же самое другому, к примеру мне, я бы изорвал его в куски, а тот сам еще протягивает ему руку. Ну, да что за беда, ведь, действительно, из-за одной общности интересов и выгод он уже не станет нас предавать; это ему прямо-таки не выгодно. Да и не так-то легко поймать Коттона в лесу! Однако прощайте, Джонсон. Вы-то, во всяком случае, человек верный и на нас также можете положиться. Послезавтра мы опять встретимся здесь, и скоро у нас в кармане окажется несколько сотен долларов, тогда мы посмотрим, как поступать дальше. Знаете, дело наше совсем не так плохо: ведь хорошим банковым билетом можно заткнуть рот любому крикуну, который вздумает теперь повесить нас на первом дереве, а сам не прочь поделить выгодами нашего дела. Идем, Уэстон, пора!

С этими словами собеседники разошлись. Коттон и Уэстон направились в одну сторону, вдоль берега реки, а Джонсон пошел по тропинке через лес на север. Через несколько мгновений и он исчез за холмом.

Недаром недавно бывшие здесь люди восхищались уединенностью выбранного ими места свидания: прошло не меньше четверти часа, как разошлись товарищи, а все было по-прежнему тихо, и мертвая тишина эта лишь изредка нарушалась треском ветвей от прыжков белок да криками птиц.

Вдруг без малейшего шума раздвинулся кустарник, и оттуда вышел краснокожий.

Индеец, осторожно высунув голову из раздвинутого им куста, долго прислушивался, озираясь по сторонам, и только после тщательного осмотра окружающей местности решился выйти на лужайку.

Это был высокий, статный малый, одетый в пеструю бумажную, местами изорванную шипами и колючками кустарника рубашку, подпоясанную широким кожаным поясом, за которым были заткнуты широкий нож и большой, очень острый томагавк. Ноги индейца были обуты в кожаные мокасины. На шее красовалось украшение в виде щита довольно примитивной, но изящной работы. Кроме этого амулета, у него не имелось никаких отличий и украшений, даже боковой мешок, висевший с правой стороны, не был разукрашен красной, синей и желтой бахромой, как это обыкновенно любят делать индейцы племен Северной Америки.

Голова индейца была не покрыта. Длинные черные, глянцевитые волосы свободными, тщательно причесанными прядями красиво ниспадали на плечи. В руках, красивых и ловких, отличавшихся изрядно развитой мускулатурой, он держал прекрасной работы американский карабин.

Некоторое время краснокожий продолжал внимательно изучать местность, главным образом следы, оставленные только что ушедшими, затем медленно выпрямился, закинул волосы за уши и скрылся в густой чаще по направлению, противоположному тому, откуда только что пришел.

Глава II

Дядя и племянник. Охота на оленя

Утром того же дня, когда произошли описанные нами события, недалеко от упомянутой рощи по дороге ехали два всадника. Судя по костюмам, оба они принадлежали к зажиточным фермерам. Первый из всадников, молодой, стройный человек, одетый по тогдашней американской моде в синий полотняный сюртук, такие же штаны и черный полосатый жилет, в изящные индейские мокасины вместо сапог, ехал на гнедой горячей лошади. Другой, толстяк лет сорока, все время смешил своего спутника остроумными замечаниями и шутками. Толстяк был одет в чрезвычайно тесный белый костюм и ярко начищенные сапоги. Вся его фигура, плотная и упитанная, и полное, приятное лицо, с маленькими, искрившимися весельем глазами, так и сияло самодовольством; он восхищался и прекрасной погодой, и своим спутником, словом, всем. Как у того, так и другого не было с собой никакого оружия, хотя ловкие движения их ясно свидетельствовали, что оба они люди, привыкшие к охоте и вообще ко всякого рода приключениям. Могучая фигура старшего всадника, хотя и несколько заплывшая жиром, позволяла предполагать в нем недюжинную физическую силу.

Толстяк продолжал, по-видимому, рассказ о чудачествах своего старшего брата, жившего в Цинциннати.

– У него, представьте себе, – говорил он, – уникальная мания скупать всякий старый, не нужный никому хлам, на который он тратит большие деньги. Мне жаловалась нынешней осенью его жена, когда я посетил их. Весь их дом буквально завален барахлом: старой мебелью, глиняной посудой и прочими предметами, из которых могла бы пригодиться, пожалуй, только десятая часть, да и то разве на топливо, вместо дров. А брат тем не менее продолжал ходить по лавкам и разыскивать все новую и новую рухлядь. Но раз вещь была куплена, брат ставил ее на место и с тех пор совершенно забывал о ее существовании. Тогда я и придумал одну штуку, чтобы утешить его несчастную жену и помочь ей сберечь денежку на черный день. Я нанял повозку и, когда брат был чем-то занят, отправил все его редкости обратно в лавки. Брат, возвратившись домой, и не вспомнил о своих сокровищах, а преспокойно уселся за пунш. На другой же день он отправился на Фром-стрит, где снова и приобрел весь тот хлам, что я продал накануне, да еще восхищался сделанным приобретением.

– Дядя, – улыбнулся молодой человек, – неужели вы думаете, что я поверю вашим рассказам, тем более что знаю своего дядюшку из Цинциннати как весьма расчетливого и дельного человека?

– Ну, ну, как ты смеешь говорить такие вещи своему старому дяде? Хотя, положим, брат мой малый не промах, и на всей земле трудно найти более оборотливого человека. Ты послушай, что он раз учудил, будучи совсем молодым. Мы ехали с ним на лодке, направляясь поохотиться за дичиной, приходившей к водою на берег реки. Жара стояла невероятная, и солнце пекло немилосердно. Я стал было снимать куртку, да неосторожным движением столкнул в воду свою пороховницу, стоявшую на скамье. Мне стало страшно досадно, а тут еще, благодаря прозрачности воды, хотя глубина была не менее пятнадцати футов, проклятая пороховница видна была как на ладони. Брат, прекрасно плававший и нырявший, взялся достать ее. Раздевшись, он нырнул, но, достигнув дна, нарочно задел его ногами, вследствие чего замутил воду. Но вода быстро прояснилась, и я увидел довольно странную картину. Что бы ты думал, вытворял этот хитрец? Он, оказывается, преспокойно пересыпал под водою порох из моей пороховницы в свою, и, когда поднялся на поверхность, моя пороховница оказалась почти наполовину пуста!.. Чего ж ты хохочешь как сумасшедший? Смотри не свались с лошади! Неужели тебе может прийти в голову мысль, что твой старый дядя способен солгать? Бессовестный мальчишка!

– Полно, дядя, я охотно верю всему, рассказанному вами! Однако что это виднеется там, за поваленной сосной?

– Где? Что такое? А, вон там. Да это олень! Жаль, что с нами нет Ассовума, его меткий выстрел уложил бы красавца наповал. К нему можно подобраться шагов на пятьдесят.

– Ну, Ассовум-то, наверное, далеко, а чертовски жаль, что я сам не захватил с собою карабин, и из-за этого приходится пропустить такой славный выстрел!

– Славно бы тебя встретила миссис Робертс, если бы ты заявился к ней с ружьем в воскресенье. Она и индейцу-то не простила бы такого прегрешения!

Животное продолжало спокойно стоять на одном из соляных болот, тянувшихся вдоль берегов Фурш Лафава. Не подозревая, по-видимому, об опасности, олень лизал почву, какое-то время оставаясь в одном положении и лишь по временам прерывая свое занятие легким пофыркиванием. Отмахнувшись хвостом от назойливых мух и комаров, животное продолжало наслаждаться соленым вкусом глинистой почвы.

– Билл! – не вытерпел Гарпер. – А ведь, ей-богу, индейцу удалось бы подкрасться к оленю шагов на пять. У него, кажется, нет ни малейшего чутья. Да и сам я, пожалуй, сумел бы справиться с ним, если б у меня снять с плеч десяток-другой годков.

– Если бы вы, дядюшка, ухитрились добраться вон до того орешника...

– Что за чушь! – перебил его Гарпер. – Неужели ты полагаешь, что я и в самом деле буду ломать свои старые ноги, да еще в воскресенье, бегая за глупым животным?

Однако Гарпер, вопреки только что произнесенным словам, слез с лошади, оставшейся стоять совершенно спокойно, и с величайшей осторожностью стал прокрадываться между кустарниками. Ветер дул с противоположной стороны, и поэтому олень не мог почуять приближавшегося врага. Тот, все более и более увлекаясь преследованием, прилагал все старания, чтобы остаться незамеченным. Олень еще раз приподнял голову, фыркнул и снова принялся лизать солончак.

Приостановившись на минуту, Гарпер лукаво взглянул на племянника. Вильям Браун, или, как его называл старший всадник, Билл, внимательно следил за всеми движениями своего родственника и оленя, принимая живейшее участие в разыгрывавшейся перед ним сцене.

С минуту Гарпер колебался. И беспечность животного его изумляла, да и жаль было начищенных сапог. Почва, растоптанная ногами зверей, приходивших напиться к протекавшему здесь ручью, была вязкая. Однако охотничья жилка взяла верх над осторожностью, и толстяк решился во что бы то ни стало поймать животное. Он сначала осторожно, а затем, войдя в азарт, уже напропалую ступал по грязи. Охотник, разгоряченный преследованием, чувствовал, что его сердце колотится в груди с такою силою, что, пожалуй, вспугнет животное.

Вдруг олень, почуяв наконец человека, поднял голову и будто ошеломлен при виде белого существа, незаметно подкравшегося к нему так близко. Не дав ему опомниться, позабыв и про воскресенье, и про свой праздничный наряд, Гарпер бросился вперед и схватил оленя своими могучими руками. Страшно испуганное столь внезапным нападением, животное делало всевозможные усилия, чтобы освободиться, но железные руки охотника, точно клещи, сжимали ноги несчастного создания. В пылу борьбы олень стащил ничего не замечавшего Гарпера, увлеченного одною мыслью – поймать животное, в большую, глубокую лужу, где охотник стал отчаянно барахтаться, все еще не выпуская ног оленя.

Браун, приподнявшись на стременах, с увлечением наблюдал отчаянную борьбу человека и животного, готовый ежеминутно прийти на помощь дядюшке в случае надобности. Но Гарпер даже и закричать ничего не мог; если только он попробовал бы это сделать, грязь моментально залепила бы ему рот. Она и так уже густым слоем покрыла и его одежду, и лицо, совершенно залепив глаза.

Помощи Брауна, однако, не потребовалось. Неожиданно где-то рядом грянул выстрел, и олень, сделав последнее усилие, вырвался наконец из рук Гарпера и в конвульсиях рухнул на землю.

Ослепленный грязью, ничего не видящий Гарпер с гневом вскочил на ноги и крикнул в сторону, совершенно противоположную той, откуда раздался выстрел:

– Кто смел стрелять?

– Вауг! – раздалось удивленное восклицание индейца, вышедшего в это время из чащи и пораженного уморительным видом вывалившегося в грязи почтенного фермера.

Узнав голос Ассовума, Гарпер несколько успокоился и закричал племяннику:

– Билл! Да иди же скорее сюда и отведи меня к ручью, надо хоть немножко отмыть эту проклятую грязь!

Браун подошел к дяде, протянул палку, за которую обеими руками тот ухватился, и таким образом оба они отправились к ручью. Едва Гарпер успел промыть глаза, как с новыми упреками набросился на краснокожего за то, что тот смел стрелять в его добычу.

– Но, дядя, – перебил его Браун, – вы все равно дольше минуты не продержали бы оленя в руках!

– Откуда ты это можешь знать? – возмутился почтенный фермер. – Да мой брат целую ночь держал одной рукой медведя за шиворот, когда...

– Дядя, дядя, мы опоздаем на проповедь, если вы начнете рассказывать мне похождения своего знаменитого брата.

Индеец тем временем спокойно прислонил свой карабин к дереву и принялся свежевать убитого оленя, не произнося ни слова. Когда же спор между белыми кончился, он так же невозмутимо сказал:

– Отец мой очень силен, но олень все-таки вырвался бы и убежал, не выстрели я в него. Не хочешь ли, отец мой, оленьего мяса?

– Отстань! Я люблю мясо только лично мною добытой дичины!

– Как же теперь с проповедью? – спросил Браун у дяди. – Ведь не можете же вы показаться туда в таком виде!

– Ну конечно, я зайду переодеться, хотя, признаться, мало дорожу болтовнею этого пройдохи Роусона. Отправляйся ты вперед, а я догоню тебя!

Браун помог дяде взвалить оленя на лошадь, оставив Ассовуму заднюю ногу. Гарпер с торжествующим видом уселся в седло, попрощался с племянником и убедительно просил его ничего не рассказывать на проповеди у Робертсов, пока он сам туда не приедет. Браун кивнул, тоже сел на лошадь и тронулся вслед за индейцем, уже далеко ушедшим вперед.

Глава III

Ассовум и Роусон. Предстоящая свадьба

Оперенная Стрела, как звали индейцы Ассовума, сравнительно недавно вошел в близкие отношения с белыми. Раньше, когда весь округ Фурш Лафав изобиловал дичью до такой степени, что славился среди всех Соединенных Штатов, племя Ассовума кочевало в глуши лесов. Интенсивное истребление дичи охотниками заставило племя это несколько расселиться и подойти ближе к белым. Однако не одно это обстоятельство сблизило краснокожего с белыми. Была и другая причина. Однажды изрядно захмелевший верховный вождь пытался оскорбить жену Оперенной Стрелы. Та стала звать на помощь, явился Ассовум, и в результате кровавой стычки был убит оскорбитель-вождь. Тогда краснокожему с женой волей-неволей пришлось покинуть своих соплеменников и добывать средства к существованию охотой и кое-какими работами женщины. Пока Ассовум стрелял дичь для своего обихода и для продажи белым, его жена Алапага плела из тростника корзинки и матики из гибкой коры некоторых деревьев.

Индеец забирал изделия жены и носил на продажу к белым, вследствие чего у них завязались отношения с окрестными фермами. Роусон, не упускавший случая похвастаться своим рвением в делах веры и благочестием, сумел уговорить Алапагу принять христианство. Что же касается самого индейца, то он упорно отказывался креститься. Он решил умереть, как родился и жил, в вере предков, и все угрозы и увещания Роусона оставались тщетными, только, казалось, еще усиливая твердость краснокожего.

Отпустив жену на проповедь, Ассовум пошел немного проводить ее и, кстати, зайти за зверинами шкурами, оставленными им у Робертсов. По дороге как раз и произошла описанная в предыдущей главе сцена.

– Что-то будет рассказывать ваш дядя у фермеров! – сказал Ассовум догнавшему его Брауну. – Ведь он походил на болотную черепаху, валяясь в этой луже, только, пожалуй, та все-таки бывает почище.

– Так-то так, но поистине удивительно, как это он мог так долго удерживать оленя. Не происходи это у меня на глазах, я бы ни за что не поверил, если б он это стал мне рассказывать.

– У белого много силы, его руки сделаны точно из железа! – с похвалой отозвался о Гарпере индеец. – А все-таки приди Ассовум несколькими минутами позже, в болоте валялся бы один толстый человек, а оленя и след простыл!

– Тем не менее его трудно убедить теперь в этом. Он готов утверждать, что способен продержат таким образом оленя хоть десять часов кряду.

– Да, толстый человек любит похвастать! – снисходительно согласился индеец.

Оба спутника затем молча продолжали свой путь. Вскоре слух их был поражен какими-то протяжными человеческими голосами. То методисты распевали свои гимны. Индеец, немного нахмурившись, сначала прислушивался к пению, а потом сказал:

– Слушай, как пронзительно раздается визгливый голос бледного человека! – так индеец называл Роусона.

– Ты, кажется, его недолюбливаешь, Ассовум? – спросил Браун, убежденный в этом и своими прежними догадками, и неприязнью, звучавшей обычно в голосе индейца при упоминании о проповеднике.

– Конечно! Да и за что мне его любить, если он нарушил мой покой?! Алапага до встречи с ним молилась одному со мною богу, Маниту, поклонялась Великому Духу, была мне послушна, и за это, когда она в первое время посевов тащила свои матчекота⁴ по полям, засеянными нами,

---

⁴ Верхнее платье.

и звери убегали оттуда, и поле давало хороший урожай, и хищники не приближались к нашему жилищу. Бледнолицый же заставил Алапагу смеяться над Великим Духом, которому молится по-прежнему Ассовум, но который уже не дает прежней обильной охоты.

Индеец сердито сдвинул брови и погрузился в мрачное молчание. Браун, не желая отрывать краснокожего от его мыслей, тоже молча ехал по тропинке. Наконец, шедшая между майсовыми полями тропинка вывела путников к ферме Робертса, откуда еще продолжали слышаться звуки песнопений методистов.

Когда вновь прибывшие, привязав лошадь белого у плетня, вошли в дом, пение уже окончилось. Молящиеся стояли на коленях, посреди них высился Роусон, резким, неприятным голосом произносивший какую-то длинную речь, укоряя в ней молящихся за грехи и в то же время прося у Бога все-таки простить недостойных.

Браун, принадлежавший к другой секте, которая не признавала коленопреклонения даже при молитве, скромно сложив руки, остановился у двери.

Вскоре проповедь кончилась, молящиеся стали не спеша выходить, здороваясь с стоявшим у дверей Брауном, который, судя по всему, был знаком почти со всеми окрестными фермерами и пользовался их расположением.

– Как вы поздно пришли, мистер Браун! – с укоризной сказала, подходя к молодому человеку поздороваться, молодая Мэриан Робертс, дочь хозяев дома, уже шесть недель помолвленная с Роусоном.

– Так вы, значит, заметили мое отсутствие? – пытливо глядя в глаза девушке, спросил Браун. – О, если бы я знал это, то пришел бы гораздо раньше!

– Что вы, что вы! Неужели вы приходите слушать проповедь из-за чего-нибудь другого, а не для того, чтобы молиться?

– Но ведь я не методист⁵.

– Что же из того? Все-таки все мы христиане!

– Однако ваш будущий муж, кажется, держится совсем иного мнения на этот счет, – ответил молодой человек, нарочно сделав на словах «будущий муж» ударение.

– Очень может быть, – сказала Мэриан, как бы не замечая умышленного удара в слова собеседника. – Мистер Роусон сходится во взглядах с моей матерью, они очень строги в делах веры; мы же с отцом гораздо снисходительнее в этом отношении.

– Ну полно, полно, мисс, – перебил ее Браун, – я опоздал вовсе не из нежелания присутствовать на проповеди, а потому, что по дороге сюда с моим дядей случилось одно происшествие. Это-то и задержало нас.

– Разве с вашим дядей случилось что-нибудь неприятное или опасное? – с беспокойством осведомилась Мэриан.

– Ого, мисс Мэриан, мой дядя, по-видимому, пользуется у вас большим расположением! Непременно передам ему об этом, тем более что и он сам платит вам тоже искренней привязанностью. Рассказывать же о приключении его в лесу я не могу, потому что дядя просил меня помолчать, пока он сам не придет и не расскажет о нем. Ведь вы знаете, как он любит рассказывать разные случаи из своей жизни.

– Ах, как это замечательно! – обрадовалась девушка. – Значит, сегодня мы услышим чрезвычайно интересное приключение на самой фантастической подоплеке!

– Что это за фантастическое приключение и с кем? – заинтересовался подошедший в это время Роусон.

---

⁵ Методисты – протестантская церковь, основанная в 1729 г. американцами Джоном и Чарлзом Уэсли, выработавшими методу жить по заветам Святого Писания. Отличались филантропической деятельностью, боролись с рабством. Не приемлют насилия и людских пороков. В настоящее время методистская церковь насчитывает более 40 млн. последователей, главным образом в США и Великобритании.

– Дело идет об одном комичном случае с моим дядей и его геройском подвиге, – сказал Браун.

– А вы ручаетесь за правдивость рассказа мистера Гарпера? Вы сами были свидетелем этого приключения? – спросила Мэриан. – Вы ведь сами знаете, что ваш почтенный дядюшка рассказывает иногда просто невероятные...

– Мэриан! – строго остановил ее Роусон. – Не подобает молодой девушке говорить подобные вещи, да еще после службы!

Видя смущение хорошенькой Мэриан после столь строгого выговора, Браун счел нужным заступиться за нее.

– Вы слишком суровы, мистер Роусон; отчего бы иногда и не посмеяться над тем, что действительно смешно. Молодость имеет свои права, и ей многое прощается.

Проповедник уже собирался основательно возразить молодому человеку, но ему помешал приблизившийся к ним старик Робертс. Он взял руку Брауна, пожал ее и дружеским тоном попенял за то, что тот поздно приехал.

– А где же ваш почтенный родственник, мистер Гарпер? – спросил старик. – Тут ходят слухи, что с ним что-то случилось.

– Он сам расскажет об этом, когда приедет...

– Вот что, мистер Браун, – перебил его Роусон, – чтобы не забыть, приглашаю вас с дядей ко мне на свадьбу, которая состоится через месяц. Я очень бы желал, чтобы вы присутствовали на ней.

– К крайнему моему сожалению, вынужден отказаться от вашего приглашения! – холодно произнес Браун, опуская глаза. – Через месяц меня не будет в Арканзасе!

– Не может быть! Ведь ваш дядя недавно купил здесь землю, и я думал, что вы с ним и поселитесь у нас.

– Да, дядя так и думает устроиться, а я присоединяюсь к волонтерам, отправляющимся в Техас. Эта провинция решила отделиться от Мексики и потому просит у нас помощи⁶.

– Бросьте вы эти глупости, Билл! – воскликнул Робертс. – Пускай себе головорезы дерутся в Техасе, а вы оставайтесь у нас. На свадьбе Мэриан соберется много хорошеньких девушек, выберите себе по вкусу, да и женитесь с богом. То-то славно заживем! Ваш дядя, думаю, тоже обрадовался бы такой перспективе. А вот, кстати, и он пожаловал!

Действительно, к группе разговаривавших приближался Гарпер, терзаемый одной мыслью: не успел ли уж его племянник разболтать про сегодняшнее приключение. Однако неподдельный интерес, с которым встретили его появление, и начавшая собираться вокруг него толпа явно свидетельствовали, что сути истории еще никто не знает, и племянник сдержал свое слово.

– Молодец, что не разболтал! – обратился он к Брауну. – А теперь, друзья мои, – сказал он остальным, – я расскажу вам преинтересную историю одного приключения, случившегося со мною сегодня утром. Свидетелем выставляю моего племянника. Билл, поди сюда!

Ввиду своего особенного положения, Роусон счел недостойным выслушивать какие-то вздорные приключения и через черный ход вышел на расчищенное под пашню поле. Не зная, куда девать выкорчеванные пни и сучья, Робертс счел за лучшее сжечь их на месте и разложил там большой костер, оказавшийся очень кстати Ассовуму.

Индеец, уложив на угли ногу убитого сегодня оленя, в этот момент игравшего немало важную роль в рассказе Гарпера, прилег у костра в ожидании вкусного обеда, который приготавлиала, примостившись тут же, Алапага.

---

⁶ Речь идет о Техасской войне 1835–1836 гг. Селившиеся в мексиканской провинции Техас американские землевладельцы, разбив при поддержке своих соотечественников мексиканские войска, провозгласили Техас самостоятельной республикой, а позже, в 1845 г., добились ее включения в состав Северо-Американских Соединенных Штатов.

Удобно раскинувшись на одеяле и медленно покуривая трубку, Ассовум предавался грустным воспоминаниям о своем прошлом и об участии его собратьев.

Прежде, думал он, краснокожие были сильны, храбры и здоровы. Дичь в лесах не перевидалась, и кругом был необозримый простор. Но вот пришли белые, и сразу жизнь индейцев стала ухудшаться. Пьянство, болезни вконец разрушили счастье целых племен, а в частности и его собственное. Теперь, как огонь истребляет могучий дуб, истребила его племя огненная вода. Она все больше и больше охватывала, как разрастающийся пожар, сердца и ум краснокожих и привела их на край гибели. Великий Дух отступился от своих сынов, и они остались одиноки... Такие мысли роились в голове Ассовума, когда к костру приблизился проповедник.

Алапага, издали завидев его, бросилась навстречу. Роусон приветствовал ее краткой молитвой. Жена краснокожего была, по мнению индейцев, красавицей, да и белые не могли отрицать ее миловидности. Прекрасные зубы и чудные черные глаза, горевшие живым огнем, придавали своеобразную прелесть ее личику.

Ассовум остался очень недоволен той поспешностью, с какой его жена бросилась навстречу методисту, и с укоризной закричал:

– Алапага, неужели христианское учение позволяет с пренебрежением относиться к мужу и повелителю?

Алапага вместе с Роусоном подошли к костру, и проповедник приветливо поздоровался с краснокожим. Тот молча кивнул головой, оставаясь в прежней позе.

Не желая упустить удобного случая, Роусон принялся рассказывать некоторые места из Священной истории, стараясь и голосом, и интонацией, и самим подбором эпизодов как можно сильнее подействовать на бесхитростную душу дикаря. Ассовум молча принялся за изжарившуюся уже оленью ногу, но по всему было видно, что индеец не пропускает мимо ушей ничего из сказанного методистом. Он пристально смотрел на проповедника, ни одним словом не прерывая его.

Такое внимательное отношение к его словам только подбодрило Роусона, увлекшегося уже своими рассказами и к правде начавшего даже прибавлять выдумки и преувеличения. Покончив с едою, краснокожий все с тем же вниманием продолжал слушать.

– Теперь речь бледнолицего человека, вероятно, окончилась? – спросил он, когда Роусон на минуту прекратил поток своего красноречия. – Теперь пусть он послушает, что ему расскажет краснокожий.

Ассовум встал с одеяла, подошел поближе к методисту и начал:

– Вначале Великий Дух сделал свет. Потом он сотворил индейцев и назначил землю для их обитания. Все индейцы были соединены тогда в одно племя. Однажды они послали наверх молодого юношу разузнать, что там делается. Там все было прекрасно, и молодой человек залюбовался окружающей его красотой. Вдруг мимо него промчался олень, пронзенный стрелой в бок. Юноша стал преследовать животное до того места, где оно наконец упало и околело. Вскоре пришел и человек, ранивший оленя. То был сам Великий Дух, научивший здесь юношу, как нужно стрелять животных и резать их на части. Потом Великий Дух, видя, что путник не умеет и огня развести, научил его и этому, а также тому, как нужно хорошо жарить на огне мясо животных... Великий Дух, – продолжал индеец, – сотворил также двух братьев духов: злого и доброго. Первый только и делал, что разрушал все добрые дела, которые делал второй. Добрый дух решил изгнать злого, но так как не хотел употреблять силы, то предложил ему бежать наперегонки. Кто перегонит, тот и останется победителем. Злой дух согласился и...

– Довольно! – с яростью закричал долго сдерживавшийся методист, вскакивая с пня, на котором сидел. – Я не хочу больше слушать твоих глупых рассказов и выдумок! Несчастный дикарь! Довольно, говорю я, довольно лжи и суеверий! Опомнись, пока не поздно!

Роусон вознамерился было продолжить свои обличения, но индеец встретил его таким свирепым взглядом, что методист моментально смолк, присмирел и собирался улизнуть

подобру-поздорову, если бы не заметил, что индеец хочет продолжать говорить. Не рискуя рассердить краснокожего, Роусон счел за лучшее дослушать того до конца.

– Я слушал тебя, бледнолицый, – строго, но хладнокровно начал Ассовум, – слушал внимательно твои рассказы, не перебивая, и верил тому, что ты рассказывал мне. Верил тому, что из камня потекла вода, что палка превратилась в змею, что рыба проглотила человека и опять выпустила, что пророк улетел на небо на огненном шаре, и многому другому. Когда бледнолицый рассказывал все это, Ассовум верил ему, отчего же он не хочет, в свою очередь, поверить тому, что говорит краснокожий? Почему он не поверил, да еще и назвал Ассовума лгуном? Нет, глаза белого обращены только в свою сторону, а больше он ничего не способен видеть!

Презрительно взглянув на растерявшегося Роусона, Ассовум, не дожидаясь ответа, пошел к дому, знаком велев Алапаге принести туда же его вещи и оленью ногу.

Тем временем Гарпер закончил свой рассказ, под конец покрытый дружеским хохотом всех присутствовавших, не исключая его самого. Затем посетители разбрелись по домам, так как близилось обеденное время. Гарпера же с племянником как редких гостей миссис Робертс не отпустила, пригласив на обед к себе.

Браун намекнул Робертсу, что для предстоящей экспедиции в Техас ему понадобится лошадь. Старик, владевший прекрасными лошадьми и славившийся среди окрестных фермеров как лучший знаток коней, воспользовался случаем похвастаться своей конюшней и потащил молодого человека смотреть его любимцев.

– Вот лошадь, которая подойдет вам как нельзя лучше, но только, хоть я и рад продать ее, мне жаль, что вы пускаетесь в такое опасное предприятие. По-моему, Техас – такая страна, где никто не сможет добиться успеха.

– Мне надоела сидячая жизнь, – ответил Браун, – а потому и тянет повидать свет. По окончании же войны я обязательно опять вернусь сюда!

– Ну, не так-то просто вернуться из Техаса! Там или умирают, или превращаются в авантюристов!

– Ваш дом скоро совсем опустеет, мистер Робертс, – как-то уныло сказал Браун, видимо, не слушая, что говорит ему старик. – Сын ваш уехал в Теннесси, и когда Мэриан...

– Да, да, через месяц и она покинет нас, хотя я лично недолюбливаю этого святошу. Правда, он кроток, но в его порядочности я сильно сомневаюсь. По крайней мере, он позволяет Гитзкоту говорить о нем такие вещи, за которые я немедленно бы всадил нож в шею. Тем не менее, когда он заплатит за землю и устроится как следует, Мэриан станет его женой. Да что с вами, Билл? О чем вы задумались?

– Так, ничего; немного голова болит!

– Смотрите! – воскликнул вдруг Робертс. – Кто-то едет сюда. Четверо всадников, и все вооруженные! И ружья и ножи, – вот так неожиданность для моей жены, не позволяющей носить в воскресенье оружие. Боже мой! Да это регуляторы! Гитзкот, Мулинс, Смит и Гейнце. Должно быть, у нас в округе опять не все спокойно!

Глава IV

Регуляторы. Стычка

В описываемую нами пору такие отдаленные от главных правительственных центров штаты, как Арканзас, Миссури, Иллинойс, Кентукки, Теннесси и Миссисипи, служили ареною грабежей различных разбойничьих шак, прямо-таки наводнивших эти места. Власти, несмотря на все предпринимаемые усилия, ничего не могли поделать с ними. Тогда-то стали образовываться отряды местных фермеров, желавших каким бы то ни было способом избавиться от непрошенных гостей.

Такие отряды присвоили себе название «Регуляторы» и стали в широких размерах применять закон Линча, дававший право совершать смертную казнь над виновными в разбоях и грабежах. Беспощадные, по-видимому, действия регуляторов, однако, имели свое оправдание. Обозленные постоянными кражами и грабежами местные жители считали себя даже обязанными прийти на помощь правительственным властям и избавить наконец свой край от возмутительного бандитизма.

Шерифы, судьи и прочие власти, невзирая на строгое запрещение применения местными жителями закона Линча, ничего не могли поделать. Да и как стали бы они преследовать неизвестных преступников, когда зачастую и самое преступление проходило бесследно, не достигнув их ушей?

Беда заключалась, однако, в том, что регуляторы не всегда бывали беспристрастны и карали только явных преступников. Иногда личная месть, оскорбленное самолюбие, увлечение заставляли регуляторов необдуманно лишать жизни совершенно неповинных граждан.

Однажды в Уайт-Коунти регуляторы захватили одного совершенно безвинного человека и, привязав его к дереву, стали бить плетью, стараясь заставить его сознаться в преступлении, которого тот не совершал. Бедная жена этого фермера не вынесла тяжелой сцены наказания мужа и через несколько дней скончалась от горячки. Правда, впоследствии фермер доказал свою невиновность и в отместку убил предводителя регуляторов, но впечатление от их проступка едва ли могло изгладиться. Поговаривали, что и Гитзкот принадлежал тогда к тому печально известному отряду регуляторов и что именно указанная выше причина и послужила поводом к его изгнанию из Коунти.

Гитзкот славился как человек крайне надменный, задира, чрезвычайно дикого и свирепого нрава. Но люди, даже не желавшие с ним иметь никакого дела, вынуждены были все-таки признать его честность и храбрость. Остальные регуляторы, принадлежавшие к его отряду, были все больше из окрестных фермеров; все они носили карабины, ножи и кинжалы, сам же Гитзкот, как еж щетиной, был увешан всяким оружием.

Робертс окликнул подъезжавших всадников и осведомился, уж не с индейцами ли они собираются сражаться, если вооружились с ног до головы.

– Какие там индейцы! – ответил Гитзкот. – Конокрады опять появились в нашей местности и неподалеку от реки Арканзас увели четырех лошадей у Роулеса. Судя по следам, воры отправились на юго-восток, но, к несчастью, проклятый дождь смыл следы, и мы принуждены были разделиться на несколько отрядов, чтобы оцепить округу. Вот, направляемся к Вилькинсу, чтобы выработать дальнейший план. Не пожелает ли кто-нибудь из вас присоединиться к нам?

– Ну, уж только не я! – отозвался Робертс.

– Напрасно! Ведь у вас такой табун прекрасных лошадей, что не сегодня завтра и к вам могут пожаловать нежданные гости.

– Вот мы и подождем, пока это случится! Однако, джентльмены, прошу слезть с лошадей и закусить чем бог послал.

– С величайшим удовольствием! – отозвался Гитзкот, тотчас же спешиваясь. – Нам предстоит еще порядочный конец, а подкрепиться никогда не мешает!

Остальные регуляторы последовали примеру своего предводителя и тоже сошли с лошадей. Некоторые из них, знакомые с Брауном, подошли к нему поздороваться.

– А вы, молодой человек, отчего не хотите поддержать наше правое дело? – спросил его Гитзкот.

– Оттого, во-первых, что я совершенно незнаком с этой местностью и редко бываю здесь. Я постоянно в разъездах: сегодня здесь – завтра там. Во-вторых, скажу откровенно, я не уважаю вашего образа действий, иногда прямо-таки бесчеловечного.

– Ого, джентльмен, нужно пожить здесь подольше и тогда уже судить о наших действиях! – сердито пробормотал Гитзкот.

– Пожалуйста, господа, войдите в дом! – раздался с порога голос Робертса, как нельзя более кстати прервавший обострявшийся разговор Брауна с Гитзкотом. – Садитесь и принимайтесь за еду, будьте как дома!

Большинство фермеров чинно сидели за столом, не без уважения относясь к находившемуся здесь проповеднику, так как и сами были методистами. Только Гитзкот беспокойно ворочался на своем стуле, бросая в сторону Роусона довольно недружелюбные взгляды. Если бы не присутствие женщин за столом, регулятор наверное бы разразился потоком брани по адресу проповедника.

– А не найдется ли у вас глотка виски? – прервал молчание Гитзкот, утираясь рукавом куртки. – После того, чем угостила нас миссис Боувит, у меня все время свербит в горле.

– Мы вовсе не держим спиртных напитков! – возмутилась набожная хозяйка. – Да и миссис Боувит сделала бы лучше, если бы тоже не держала их.

– Вот-вот! И я тоже говорю! Чем держать какую-то дрянь, лучше вовсе ее не иметь, – отозвался Гитзкот, как бы не поняв, что хотела сказать хозяйка.

– Мистер Гитзкот, неужели вы не понимаете, что здесь лучше совсем не поднимать разговора о виски? Он, как видите, неприятен почтенной миссис Робертс! – вмешался Роусон.

– Мистер Роусон, неужели вы не понимаете, что вам лучше держать язык за зубами и не совать нос в чужие дела?! – иронически произнес регулятор.

– Господа! – заявил вошедший в это время Робертс, желая замять неприятный разговор. – Я велел задать корма вашим лошадям.

– Чрезвычайно благодарны за это! – отозвались регуляторы и стали подниматься из-за стола.

Затем все отправились на двор, где, усевшись на стволах спиленных деревьев и пнях, стали обсуждать различные планы, каким бы образом поймать конокрадов.

– Рано или поздно, но мы поймаем их, – заявил Гитзкот, – и тогда уж пусть они побегутся! Я их повешу на ближайшем дереве! Ей-богу!

– По-моему, слишком жестоко наказывать смертью кражу! – заметил Браун.

– Жестоко, говорите вы? Да ведь с пропажей лошадей фермер теряет все. Я недавно продал трех лошадей за хорошие деньги, и вот они, у меня в кармане! А что бы я стал делать, если бы лошадей украли? Все пошло бы прахом. Нет, не будет пощады этим разбойникам! Я сам рискую жизнью в этой борьбе, и если выйду победителем, то пусть они берегутся! – Гитзкот возбужденно всадил нож в дерево, на котором сидел. – А, – прибавил он, завидя выходящего из дома проповедника, – вон опять появился наш почтенный джентльмен!

Роусон, как бы не слыша обращения Гитзкота, велел слуге негру приготовить ему лошадь.

Гитзкот, видя, что проповедник не желает обращать на него внимания, поднялся и громко сказал:

– Ну-с, господин святоша, я думаю, вы должны что-нибудь ответить на мое обращение, черт бы вас побрал!

Не успел никто и слова сказать, как Браун подлетел к Гитзкоту, схватил за шиворот и с такою силою перекинул его через древесный ствол, что, упав навзничь, тот расшибся в кровь. Остальные регуляторы мигом бросились между Брауном и упавшим предводителем. Тот вскочил на ноги, вытащил воткнувший в дерево нож и ринулся на обидчика. Билл, однако, не оробел и, вытащив из-за пояса пистолет, прицелился в противника.

Гитзкот, очевидно не ожидавший такого отпора, хотел схватиться за карабин, но товарищи не дали ему этого сделать.

– Не мешайте, черт вас подери! – зарычал разъяренный кентуккиец. – Я сейчас по-своему разделаюсь с этим молокососом!

– Пускай попробует, – возразил Браун, тоже вытаскивая нож, – посмотрим, кто с кем разделается!

– Мистер Гарпер, вступитесь же, ради бога! – бледная, как полотно, закричала Мэриан. – Ведь Гитзкот способен убить кого угодно!

– Полно, дорогая мисс, – успокоительно ответил толстяк, – уйдите в дом, здесь не место молодой девушке.

– Но он убьет его! – горько плача, сказала девушка.

– Кого убьет? Вашего жениха? – несколько удивился Гарпер тому страстному вмешательству, с которым относилась Мэриан к разыгравшейся сцене. – Да ведь он совершенно в стороне. Это ссора между Биллом и Гитзкотом!

Девушка, не проронив больше ни слова и закрыв лицо руками, удалилась в дом в сопровождении Роусона, не спеша подошедшего к ней.

– Пустите меня! – ревел Гитзкот. – Я убью этого мерзавца, как собаку!

– В самом деле, отпустите его! – хладнокровно сказал Браун, бросая на землю пистолет. – С нас довольно и ножей!

Регуляторы расступились, и два противника, пожирая друг друга глазами, остановились один против другого. Руки их судорожно сжимали ножи. Каждый ждал нападения противника, Браун – спокойный и бесстрастный, Гитзкот – разъяренный, но озадаченный хладнокровием врага. Несколько мгновений длилось молчание, показавшее нерешительность соперников. Все затаили дыхание. Мэриан, точно приговоренная к смерти, скрестив руки, стояла на крыльце дома, с мучительной тревогой ожидая конца. Не понятное никому волнение молодой девушки было настолько сильно, что она дрожала всем телом.

Наконец, напряженное ожидание утомило зрителей, и они решили развести противников.

– Довольно, Гитзкот! – сказал Мулинс. – Нужно было драться, когда было время. Неделикатно заставлять хозяев этого гостеприимного дома переживать такие неприятные минуты.

– Это-то и удержало меня! – проворчал Гитзкот, давая товарищам увести себя. – Но этот молокосос пусть не подставляется под дуло моего карабина!

Хвастливые и неуместные слова регулятора вызвали неодобрительные замечания даже у его товарищей.

– Пускай болтает! – насмешливо сказал Браун. – Ведь это все, что ему остается делать!

Гарпер, в свою очередь, взял племянника за руку и потащил в дом.

– Пойдем, Билл, – уговаривал он его. – Ты с честью вышел из этого столкновения, чего же тебе больше? Нужно пощадить и бедных женщин, перепуганных этой ссорой. Ведь Мэриан даже упала в обморок.

– Мэриан дурно! – воскликнул Браун, бросаясь к дому. – Впрочем, что мне за дело, – вдруг опомнился он, – ведь с ней ее жених!

В это время регуляторы уже уехали, и Роусон также собирался уйти. Пока Гарпер шговаривался с Робертсом, чтобы идти помогать старику отыскивать пропавших свиней и, кстати, зайти к Баренсу, о котором он слышал как об очень разговорчивом и даже любившем приврать

человеке, проповедник подошел к Брауну, поблагодарил его и призвал благословение Божие на него, чтобы защитить от мести злопамятного Гитзкота.

– О, я нисколько не боюсь его! – просто ответил молодой человек. – Моя сила и трусость противника гарантируют мне безопасность. Я сам не буду искать с ним ссоры, ну а он-то и подавно, поверьте, больше не решится связываться со мной!

Глава V

Мэриан и Браун

После отъезда Роусона, отправившегося на проповедь на другую ферму, Мэриан, все еще не успокоившаяся от пережитых волнений, бледная и заплаканная, сидела у камина. Около нее стояла старушка-мать, утешавшая девушку, как могла.

Гарпер, Браун и Робертс сидели тут же, покуривая трубки и рассуждая о текущих событиях.

– Полно же, дочурка, – говорила миссис Робертс. – Чего ты волнуешься?! Все обошлось благополучно. Твой жених здоров и невредим. Он поехал теперь не той дорогой, что регуляторы, следовательно, никакая опасность ему не угрожает. Поди-ка лучше на воздух, право, это лучше всего успокоит тебя. Стыдись, такая взрослая девица, и вдруг плачет!.. Мистер Браун, – обратилась она к молодому человеку, видя, что грусть не покидает Мэриан и слезы медленно, одна за другой, падают на руки, – будьте добры, уговорите эту непослушную особу пройтись немного и сами проводите ее. Свежий воздух и прогулка лучшее средство от расстройства нервов.

– Конечно, мисс Мэриан, – с готовностью поднялся Билл, подходя к ней и предлагая руку, – пойдемте-ка, развлекитесь немного!

Мэриан наконец немного успокоилась и послушно отправилась за Брауном.

Солнце начинало закатываться. Длинные тени деревьев перечеркивали дорогу. Слышалось пение птиц. По сучьям гигантских пихт весело скакали белки, кидая вниз ореховую скорлупу, звонко ударявшуюся о землю. Вот на прогалине показалась олениха с детенышами и, вытянув голову, долго прислушивалась к обычному лесному шуму, затем осторожно двинулась дальше, все время оглядываясь, не грозит ли какая-нибудь опасность ее детенышам. Мэриан и Браун, шедшие по тропинке, не возбуждали чувства опасения у животных, которые точно чутьем угадывали, что эти двое им не враги. Кругом царила торжественная тишина векового девственного леса, нарушаемая лишь монотонным шелестом листьев гигантских дубов.

– Я, право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Браун! – начала молодая девушка. – Вы с такую самоотверженностью защитили честь мистера Роусона, подвергая опасности самого себя, что...

– О, мисс Мэриан, опасность была вовсе не велика, – перебил девушку смущенный похвалой Браун, – человек, постоянно толкующий, что он всех и вся уничтожит и убьет, – как правило, трус! Он и Роусона-то задел, будучи уверен, что тот ему не ответит, как того и требовало его положение.

– Вы, кажется, все-таки сомневаетесь в мужестве мистера Роусона? – спросила Мэриан.

– О, нисколько! Он не мог ответить на оскорбление ударом ножа: ведь он проповедник!

– Как бы там ни было, я счастлива, что вы питаете такие искренние дружеские чувства к мистеру Роусону, – сказала девушка. – Скажите, когда вы с ним подружились?

– Какая у меня с ним дружба?! – изумился Браун. – Да я с ним и вижусь-то первый раз!

– И вы рисковали своей жизнью из-за незнакомого человека? – с удивлением смотря на собеседника, спросила Мэриан.

– Он – ваш жених, и этого для меня достаточно. Я видел, как вы побледнели при нанесенном ему оскорблении, и не мог сдержаться. Однако что с вами, мисс Робертс? Вам опять дурно? Присядьте вот на этот пенек. Отдохните немного.

Мэриан машинально последовала за своим спутником и так же машинально опустилась на пенек, к которому подвел ее молодой человек. Видимо, какая-то неотвязная мысль беспокоила ее.

– Скажите, Браун, правду мне говорил отец, рассказывая, что вы собираетесь покинуть нас и принять участие в войне за независимость Техаса? Что вас заставляет решиться на такой шаг?

– Многое, Мэриан! Я хочу развлечься, хочу отделаться от некоторых мучительных воспоминаний, и лучшее средство для этого – война. Впоследствии, если все благополучно кончится, я вернусь, и тогда, как предлагает мне ваш отец, займусь вместе с ним торговлей лошадьми.

– Стало быть, вы несчастливы, если бежите отсюда? Как жаль, что Арканзас вам не по душе, а я так люблю наш край!

– Ваша любовь к месту, где вы встретили любимого человека и нашли свое счастье, вполне понятна. В таком случае можно полюбить страну и худшую, чем Арканзас. Я же оказался здесь несчастлив!

– А кто же, по-вашему, счастлив здесь? – задумчиво спросила девушка.

– Несомненно, Роусон! – уверенно ответил Браун, даже чуть испугавшись своей уверенности.

– Нам, кажется, уже пора вернуться домой! – вдруг порывисто встала со своего места Мэриан. – Да и москиты перед заходом солнца становятся невыносимы.

Молодые люди повернули обратно и некоторое время шли молча, не обменявшись ни словом.

– Скажите, Билл, ведь вы живете со своим дядей? – спросила Мэриан, чтобы хоть как-нибудь нарушить тягостное для обоих молчание.

– Да, мисс Мэриан, мы живем вместе с ним, по-холостяцки, – скучная жизнь!.. Я слышал, что мистер Роусон собирается поселиться неподалеку? – спросил он в свою очередь. – На днях, как он при мне говорил вашему отцу, он получает большую сумму денег, и тогда...

– Тогда состоится наша свадьба, потому что отец иначе не соглашается выдать меня за Роусона. Он и вообще-то противник этого брака.

– Странно, – заметил Браун, – противиться счастью дочери...

– Он уверен, что я не буду счастлива.

– Что за пустяки! Любовь неразлучна со счастьем!

– Не знаю!

– Не знаете? Так, значит, вы не любите Роусона?

– Видите ли, в чем дело. Мама положительно очарована этим благочестивым и вежливым человеком и всеми силами старается связать мою судьбу с ним. Она уверена, что это самый подходящий жених для меня, потому что сватавшиеся за меня окрестные молодые фермеры все так необразованны и грубы! Ни один из них мне не нравится. Мое уважение принадлежит всецело мистеру Роусону, этому деликатному, умному человеку, с хорошими манерами и приятным поведением. Он, постоянно бывая в наших местах, познакомился с нами, часто стал заезжать к нам, понравился матушке и, наконец, поселился по соседству. Я и не подозревала, что он хочет жениться на мне, и была крайне изумлена его предложением. Отец, питающий к этому человеку какую-то непонятную неприязнь, сначала упорно не соглашался дать свое благословение на этот брак, что послужило поводом к неоднократным сценам между ним и матерью. Наконец, мама сумела убедить его, и вот – я невеста Роусона. Через месяц, когда он окончательно устроится, назначена свадьба, и я стану его женой.

Последние слова девушка договорила таким унылым, печальным тоном, что сердце Брауна невольно дрогнуло. Он взглянул на свою спутницу, но та в это время отвернулась, и широкие поля шляпы скрыли ее личико от пытливых глаз молодого человека.

– Мистер Браун, – продолжала через несколько мгновений девушка, – я вам совершенно откровенно поведала немудреную историю моей жизни. Неужели подобное доверие не заслуживает такого же и с вашей стороны?

– Рассказ о моей жизни, пожалуй, гораздо неинтереснее вашего. Жизнь моя не оставила у меня никаких приятных воспоминаний. Еще мальчиком я переселился с отцом из штата Виргиния, моей родины, в Кентукки. Тогда эта страна была почти совсем необитаема, и мы оказались в числе первых белых пионеров. Постоянно приходилось нам выдерживать нападения краснокожих, тревоживших нас своими набегами. При одном из таких нападений отец мой, а вместе с ним и другие белые были убиты. Каким-то чудом уцелел только я один. Добравшись до ближайшего поселка, я поднял на ноги всех окрестных жителей, и мы справили кровавую тризну по убитым индейцами. У вас волосы бы поднялись дыбом от одного рассказа об этом избиении краснокожих, но, что делать, они, в свою очередь, совершали над белыми еще худшие вещи, и следовало отучить их от этого. Одиноким как перст, я решил поселиться у дяди в Фурш Лафаве, где он сам только что устроился. На первых же порах, проезжая верхом по незнакомому еще лесу, я как-то заблудился и выехал к одной ферме. Там я встретил прелестную девушку, сразу заполонившую мое сердце, ранее бившееся совершенно спокойно. Вот, подумал я, возможность и угодить дяде, все время пристававшему ко мне с уговорами о женитьбе, и самому насладиться счастьем, какое только возможно на земле. Недолго мне пришлось радоваться. Я тогда же узнал, что... эта девушка невеста другого! С тех пор жизнь окончательно опротивела мне. Я прожил еще несколько дней у дяди, затем уехал в Техас, снова вернулся и опять уеду все таким же несчастным, с разбитым сердцем... Вот моя жизнь, Мэриан. Не правда ли, мне нельзя позавидовать?

Мэриан ничего не ответила, но две горячие слезинки повисли на ее длинных черных ресницах. Браун, однако, не заметил этого, так как внимание его внезапно привлек шум в густых кустах, мимо которых пролежала тропинка. Он ясно расслышал там чьи-то мягкие шаги по сухой листве и только, почуввав опасность, остановился и схватился за оружие, как кустарники раздвинулись, и громадная пума, одним прыжком перескочив через кустарник, очутилась перед гулявшими. Глаза ее горели как уголья, а из разинутой пасти вырывалось сердитое рычание – выражение гнева на непрошенных гостей, потревоживших ее покой.

От испуга девушка лишилась сознания и как подкошенная упала на руки Брауна. Тот, подхватив ее левой рукой, правой вытащил из-за пояса пистолет, раз уже помогший при столкновении с Гитзкотом. Зверь, пораженный столь близким соседством людей, которых он едва ли мог ожидать так недалеко, казалось, находился в нерешительности: нападать или бежать?

Молодой человек, привыкший к внезапным опасностям и умевший смело смотреть в глаза смерти, к чему его с малолетства приучила скитальческая жизнь в прериях, встречи с дикими зверями и индейцами, конечно, и здесь не сплеховал. Хладнокровно прицелившись, он спустил курок пистолета, и только тяжесть тела девушки, которую он поддерживал левой рукой, несколько ухудшила верность прицела: пуля, миновав голову, засела в правом плече. Пума, ошеломленная и неожиданной встречей, и выстрелом, испустила пронзительный вой, и затем все стихло. Только широкая полоса крови показывала, что пуля пролетела мимо цели.

– Мисс Мэриан, успокойтесь! Зверь испугался выстрела и убежал, опасность прошла! – успокаивал Браун очнувшуюся от выстрела девушку, стараясь приподнять ее. – Полно, перестаньте, Мэриан, теперь уже нечего бояться.

Однако пережитые волнения были настолько сильны, что девушка не выдержала и, разрыдавшись, прильнула к груди давно любимого ею человека. Браун теперь только понял, какое счастье могло бы ожидать его, если бы он не опоздал. Любимая девушка отвечала ему тем же, но – увы! – она была невестой другого.

– Мэриан! – горестно воскликнул он. – Сегодня самый счастливый и в то же время самый несчастный день в моей жизни. Я любил и люблю вас безумно. Я отдал бы полжизни за счастье обладать вами. Теперь же, когда я знаю, что и вы любите меня, но не можете быть моей, мне вдвое тяжелее, чем раньше. Однако мы должны расстаться, я не хочу стоять на дороге вашего избранника. Я уеду в Техас и там, в тревогах лагерной жизни и громе битв, постараюсь забыть

то, что для меня дороже жизни! Завтра же меня не будет в Арканзасе, но я чувствую, что забыть вас окажется свыше моих сил!

Мэриан, заслушавшись дорогого человека, инстинктивно склонила голову к нему на плечо, и молодые люди замерли в первом объятии. Несколько мгновений они стояли так, молча, наконец Браун усадил девушку на поваленный бурей ствол дерева и спросил:

– Мэриан, я прошу у вас откровенности: любите ли вы своего будущего мужа?

– Нет, не люблю! – твердо ответила та. – Матушка настолько симпатизирует ему, что уговорила меня пойти за него замуж. На меня же лично Роусон не произвел никакого впечатления. Правда, он очень деликатен, вежлив, набожен, и только полное отсутствие кого бы то ни было более интересного пробудило во мне чувство, которое казалось мне любовью, но с вашим приездом я поняла, что люблю только вас одного, Роусона же уважаю, и не больше! Однако довольно. Наше долгое отсутствие может показаться подозрительным и неприличным. Это свидание с вами должно быть последним, сжальтесь надо мной и не добивайтесь наших встреч, иначе я не выдержу тоски и страданий!

– Да, Мэриан, вы правы, нам нужно расстаться. Я провожу вас до дому, и больше мы с вами не увидимся. Дай бог, чтобы Роусон сумел сделать вас такой счастливой, как вы того заслуживаете! А обо мне лишь изредка вспоминайте, как о человеке, который вас любит больше всего на свете и скоро, быть может, прольет кровь за лучшую долю человека – свободу. Прощайте!

Молодые люди обнялись еще раз и обменялись своим первым и последним поцелуем. Наконец, Мэриан вырвалась из объятий огорченного Брауна и быстро направилась к дому. Молодой человек последовал за нею.

Гарпер и Робертс, слышавшие выстрел Брауна и встревоженные долгим отсутствием молодых людей, вышли из дома и попались им навстречу. Хозяин взял дочь за руку, а Гарпер и Браун шли за ними в некотором отдалении. Молодой человек тотчас же передал дяде свое решение завтра же отправиться в Техас.

– Что за глупая поспешность! – с беспокойством воскликнул Гарпер. – Да и как же я останусь один? Это даже неприлично. Нет, голубчик, как хочешь, а я лишу тебя наследства! – принужденно рассмеялся он, хотя деньги, дом и земли на самом деле принадлежали его племяннику.

– Дядя, я должен ехать! – серьезно сказал Браун.

– Но почему, объясни мне, пожалуйста!

Браун ничего не ответил, только отвернулся, чтобы скрыть выражение страдания на своем лице, молча пожав руку дяде.

– Завтра утром, – продолжал он, справившись наконец с своим волнением, – я уезжаю в Литл-Джен, откуда вернусь домой через неделю, чтобы окончательно подготовиться к поездке в Техас. Вы же пока переговорите с Робертсом относительно продажи его гнедого, да приготовьте несколько зарядов и малую толику съестного, вот и все!

– Да ну идите же скорее! – раздался в это время голос фермера. – Что вы там застряли и секретничаете, ужин давно готов!

– Так ты точно еще вернешься домой через неделю? – тихонько спросил Гарпер у племянника.

– Ну конечно, ведь мне необходима лошадь. А теперь прощайте пока, не говорите Робертсам, что я обещал вернуться! – с этими словами Браун быстро ушел.

– Да вы один, Гарпер! – обратился к нему старик хозяин, когда охотник вошел в комнату. – А где же Браун? Ужин остынет окончательно, и в этом будет виновата его медлительность. Чего он там копается?

– Кто его разберет, – печально ответил Гарпер, – он уже уехал!

– Как уехал? Когда? – встревожились хозяева. – Почему же он ничего не сказал нам?

– Мне он, по крайней мере, говорил, – вмешалась Мэриан, – что его ждет какое-то неотложное дело в Литл-Джен, и очень сожалел, что не может остаться с нами.

– Да-да, – вдруг заторопился Гарпер, – ему крайне необходимо ехать. Лучше будет, если я его провожу, потому что, вероятно, он не справится со своими делами раньше нескольких дней.

– Успеете еще, мистер Гарпер, – недовольным тоном сказала старушка, – дела вашего племянника далеко не убегут, если вы полчаса посидите и закусите с нами на дорогу.

– Нет уж, извините, лучше я завтра к вам заеду утречком, и мы с Робертсом, позавтракав у вас, отправимся вместе на охоту. Эй, послушай, – обратился он к негру слуге, – води поскорее мою лошадь! Так решено, завтра утром я буду у вас и захвачу с собой, кстати, и Ассовума.

– Да, да, – отозвался фермер, – не забудьте взять и его с собой, он нам может быть очень полезным при отыскивании свиней, пропавших у меня.

– До свидания, мистер и миссис Робертс! – раздалось в это время со двора. То Браун, сидевший уже верхом, прощался с хозяевами. – Прощайте, мисс Мэриан!

– Войдите на минутку в дом, мистер Браун, – сказала ему жена фермера, – и если сами не хотите ничего съесть, то хоть подождите, пока ваш дядя выпьет чашку кофе, ведь у себя дома вы ничего горячего уже не приготовите.

– Пусть дядя пьет хоть пять чашек, мне пора. До свиданья!

– погоди, Браун, я еду с тобой! – крикнул Гарпер, наскоро глотая свой кофе. – Прощайте, дорогие хозяева, до завтра!

Браун, не дожидаясь влезавшего на лошадь дядю, дал своему скакуну шпоры, и тот, взвизгнув сперва на дыбы, стрелою проскакал в ворота, мелькнув на мгновение мимо настежь раскрытых дверей дома.

– Уж поскакал! – с досадой сказал Гарпер, прищипывая своего коня. – Вот неутомный мальчишка! А я изволь теперь догонять его!

Хозяева молча стояли в дверях некоторое время, удивленные неожиданным отъездом гостей.

– Что за странные люди, и дядя и племянник! – сказала наконец миссис Робертс. – Неужели не лучше было остаться у нас переночевать, чем ночью скакать сломя голову, неизвестно зачем?

– Ну, ну, не ворчи, а лучше угости-ка меня свежим кофе, а то мой совсем остыл из-за их скоропалительного отъезда. А все-таки молодец Билл, как он ловко отделал Гитзкота, просто любо.

– А вы не думаете, папа, что Гитзкот станет мстить ему за это? – тревожно спросила Мэриан, втайне страдая от сознания грозившей Брауну опасности.

– Не думаю, – ответил фермер, – да и Браун не такой человек, чтобы бояться мести регулятора. Однако, – добавил он, позевывая, – прочтем-ка вечернюю молитву, да и на покой!

Долго и горячо молилась в тот вечер молодая девушка, и когда наконец заснула в своей комнате, усталая после пережитых волнений, увидела во сне своего любимого.

Глава VI

Медвежья охота

Утро следующего дня было великолепно. Косые лучи солнца пока еще с трудом пробивались сквозь чащу деревьев. Население полей и лесов мало-помалу начинало пробуждаться, издавая тысячи разнообразных звуков, приветствующих пробуждение природы. Птички, покачиваясь на ветвях деревьев и паря в утреннем прозрачном, подернутом легкой дымкой, точно дрожащем воздухе, на разные голоса заливались в поднебесье. Петух, на дворе стоявшей в глуши леса фермы, громко призывал своих подруг задорным криком. От обильной росы каждый лист, каждая травинка переливались всеми цветами радуги; капли росы, точно драгоценные бриллианты, дрожали на чашечках цветов, благоухающих слегка пьянящим ароматом.

По большой дороге медленно ехали два всадника. То были знакомые уже нам Гарпер и Браун. Их охотничьи блузы, ботинки и мокасины из оленьей кожи свидетельствовали о том, что они собрались не на простую прогулку. К тому же у каждого из них за плечами висел карабин, а у пояса широкий охотничий нож. На обратном пути от Робертсов Браун не мог ничего скрыть от своего доброго дяди и подробно рассказал обо всем происшедшем. Теперь каждый из них был погружен в свои размышления, и они молча доехали до того места, где дорога поворачивала к горному хребту до реки Ципрес, а оттуда в Литл-Джен вела узкая тропинка. Здесь-то Браун и остановил свою лошадь, чтобы проститься с дядей.

– Прощай, мой милый! – сказал Гарпер, сжимая руку племянника. – Поезжай куда тебе нужно и непременно возвращайся к назначенному сроку. Поездка, возможно, несколько развлечет тебя. Быть может, со временем ты сумеешь забыть любимую девушку, хотя это и будет очень нелегко сделать. Ну да не унывай особенно: не с тобой одним случаются подобные вещи. Я тоже мог бы рассказать довольно печальную историю, да не хочу усиливать и без того грустное настроение. Пока ты будешь справляться со своими делами в Литл-Джене, я здесь приготавливаю все необходимое тебе в дороге. За одеялом я pošлю одного человека в Литл-Рок, а сам займусь приготовлением пуль и зарядов. Оленьи шкуры для одежды тебе Алапага тоже успеет приготовить к возвращению. Ей, видишь ли, понадобились оленьи мозги, так я сегодня постараюсь убить парочку-другую животных для ее работы. Итак, все будет готово, прощай еще раз. Да сохранит тебя Господь от всяких напастей! Не забудь, если встретишься с регуляторами, а это весьма возможно, так как ты поедешь по той же дороге, что и они, постарайся не затевать с ними новой ссоры. Право, Гитзкот, да и все они, вместе взятые, не стоят того, чтобы ты из-за них рисковал своей жизнью!

– На этот счет вы можете быть спокойны, дядя, – уверенно ответил Браун. – Этот негодяй получил уже хороший урок, так что едва ли полезет ко мне еще раз, сам же я и не подумаю придирааться к нему. Так до свиданья, милый дядя! Напомните еще раз Мэриан обо мне. Я же постараюсь, как мне подсказывает рассудок и совесть, забыть ее. Бог даст, в следующий раз мы свидимся с вами при лучших обстоятельствах и в более веселом настроении. Прощайте, дорогой мой!

Они расстались. Гарпер долго еще стоял на перекрестке двух дорог, глядя вслед племяннику, пока тот не скрылся за цепью холмов. Только тогда он медленно тронул своего коня. Лицо его было грустно: нелегко, очевидно, было ему примириться с мыслью о разлуке с племянником, решившим покинуть его, чтобы начать новую жизнь, полную трудов, лишений и опасностей.

На ферме Робертса, когда туда приехал Гарпер, все уже было в движении. Вскоре прибыли еще два охотника – фермер Куртис и его гость, торговец Гарфорд, встреченные радостными восклицаниями хозяина. Поднялась неимоверная сутолока. Собаки заливались лаем,

охотники перекликались друг с другом, а на дворе суеилось пернатое население птичника, испуганное необычно ранним шумом.

Проголодавшиеся после утренней прогулки верхом охотники не заставили дважды приглашать себя к завтраку и отдали должное искусным рукам хозяйки, наготовившей лакомых кушаний. Блюдо за блюдом опустошали они, похваливая и еду, и погоду, и соседей, и хозяев.

После завтрака мужчины вооружились и отправились к лошадям, уже отвязанным и взнузданным; их держал у ворот негр-слуга.

Воспользовавшись удобным моментом, Гарпер отошел от товарищей и направился к Мэриан. Молодая девушка, видимо, поняла движение Гарпера и, в его лице своего дорогого Брауна, с жаром пожала протянутую стариком руку. Не находя слов утешения, Гарпер только и ограничился этим рукопожатием да ласковым взглядом.

В это время раздался звук рога: то Робертс созывал собак, готовясь к отъезду. Гарпер тоже вскочил на лошадь, и вся компания тронулась в путь.

Грусть, навеянная было на Гарпера видом молодой девушки, моментально испарилась, лишь только он очутился под сводом могучих деревьев. Он был страстный охотник, а где как не в Арканзасе разгуляться охотничьим страстям! Спутники Гарпера, пересекши горный хребет, разделявший реки Фурш Лафав и Ципрес, поехали вдоль берега последней, до ее истока, а затем, проехав немного вдоль Литл-Джен, спустились в долину, образуемую этой рекой.

– Желал бы я знать, куда это запропастился наш краснокожий? – спросил наконец Робертс. – Ведь, кажется, кто-то из вас говорил мне, что он хотел нас догнать у Литл-Дженн. Так чего же он не идет? Наши следы, я думаю, настолько ясны, что трудно бы не найти и не догнать нас. Эй, Куртис, смотрите, чего это Этти так завиляла хвостом? Вероятно, собака напала на чей-нибудь след!

С этими словами фермер слез с лошади, чтобы проверить свою догадку, и сразу же заметил отчетливый след медведя, шедший к реке. По-видимому, на том месте, где вертелась собака, зверь отдыхал, отчего Этти, несмотря на приказание хозяина, не хотела отойти отсюда.

– Ого, – сказал Куртис, также спешившийся и рассматривавший следы, – да зверь-то, оказывается, был большущий! Смотрите, до чего ясен на земле отпечаток его когтей. Ну, Робертс, жаль мне ваших заблудившихся свиней, если их заметил этот великан. Ба, да тут еще чьи-то следы! Тут, кажется, стоял индеец с кем-то. Неужели это был Ассовум? Однако где же собаки? – спросил он, поднимая голову. – Робертс, потрубите-ка им!

Тот затрубил, и через несколько мгновений послышался собачий лай. Первым выскочил из лесу Поппи Робертса, а затем и остальные. Какая-то молодая такса, почуяв новый след, бросилась в сторону, в лес, увлекая своим примером и остальных. Напрасно охотники то криком, то рогами старались вернуть их.

– А ну их к черту! – рассердился Робертс. – Проклятая такса; не будь ее, собаки наверняка не бросились бы по ложному следу!

– Да, – подхватил другой охотник, торговец из восточных штатов, – ну и собака же у вас, Куртис: ее нужно бы прямо застрелить за такую глупость!

– Провались этот рыжий дьявол! – раздраженно ругался Робертс. – Ведь этакая дрянь, в самом деле...

– Я бы охотно дал двадцать долларов, – перебил его несколько обиженный за собаку Куртис, – чтобы мистер Роусон послушал, как вы здесь ругаетесь!

– Какое мне дело до Роусона! Будь он здесь, это нисколько не мешало бы мне ругаться!

– Ну а что сказала бы ваша жена? – продолжал язвительно Куртис.

– Ей нечего делать в болотах Литл-Джена, – ответил Робертс, – так нечего о ней и говорить! Вот лучше скажите, что мы теперь должны делать: наши собаки вернутся не раньше, как часа через три, да и то совершенно измученные.

– Тише, тише, – вдруг произнес Гарпер, беря ружье на изготовку. – Я слышу какой-то шум, но только это не собаки!.. Слушайте!..

– Да это идет Ассовум, ей-богу, – сказал он, когда шум сделался яснее. – Трубите, Робертс, так индейцу легче найти нас.

На трубный призыв Робертса из-за холма раздался чей-то крик.

– Браво! Это голос Ассовума! Если собаки попались ему навстречу, то он приведет их обратно, так как они его хорошо знают.

Гарпер оказался прав. Через несколько минут к охотникам подошел Ассовум со всей стаей собак.

– Здорово, дружище! Где ты подобрал наших собак? – весело спросил Робертс.

– Огромный медведь, оставляющий на почве глубокие следы когтей, перешел через холмы. Он теперь направляется к реке, выворачивая большие камни, под которыми ищет червяков. У реки он и заляжет в густой чаще, где поменьше moskitov, Ассовум хорошо знает, где найти зверя.

– Ну а как же вам удалось найти и привести обратно наших собак?

– О, индеец сразу замечает, когда собаки бегут по неверному следу. Когда Поппи бросился ко мне ласкаться, я удержал его за лапы. Тогда и остальная стая остановилась за главной ищейкой. Они все хорошо знают Ассовума! – с довольной улыбкой сказал краснокожий, ласково глядя скакавших вокруг него псов.

– Так покажем собакам настоящий след, – сказал Робертс, – и тогда...

– Тогда они опять повернут к холмам, – перебил его Ассовум. – Нет, лучше я сначала поведу собак, а затем, если заметим, что они взяли верный след, спустим их с привязи, и охота будет удачной.

Все согласились с доводами индейца, а Поппи, точно сознавая свою ошибку, виновато вилял хвостом и свободно позволял Ассовуму вести себя за ошейник до тех пор, пока индеец, пройдя шагов пятьсот, не пустил его. Собака, почуяв, наконец, медведя, разом повеселела и бросилась вперед. За нею понеслась и остальная стая.

– Теперь, друзья мои, на коней и вперед! – воскликнул Робертс, вскакивая на лошадь и пуская ее полным карьером.

Не сдерживаемые больше поводьями, лошади резво поскакали вперед, точно чувствуя, заодно с охотниками, всю прелесть подобной скачки за зверем. Охотники напропалую мчались через чащи и болота, через наваленные деревья, сквозь густой кустарник. Всем им, кроме Гарфорда, были нипочем встречавшиеся на пути препятствия. Торговец же, не привыкший к бешеной скачке степных мустангов, вскоре свалился с лошади, призывая товарищей на помощь. Однако ни один из них и не подумал остановиться: даже для лучшего друга, попавшего в беду, не остановится арканзасский охотник, если он гонится за зверем. Когда севший опять на лошадь Гарфорд и остальные охотники подскакали к тростникам, им пришлось спешиться и, прочищая дорогу, пробираться сквозь их чащу. Каждая минута была на счету, так как в глубине зарослей слышались лай собак и треск тростников, ломаемых грузным телом зверя.

Медведю, казалось, не было выхода. Он был застигнут собаками в своем логовище и яростно оборонялся от них. Опоздай медведь вскочить, собаки моментально загрызли бы его. Теперь же наиболее сильный из всех, Поппи, напал с большой осторожностью, ограничиваясь хватанием зверя за задние ноги и стараясь не попадаться ему в лапы. Эти же, как более слабый, довольствовались только лаем да угрожающими прыжками. Однако, когда, припав к земле, медведь собирался дать тягу, Поппи так сильно вцепился ему зубами в зад, что животное невольно обернулось, чтобы наказать смельчака. Ловкая собака моментально отскочила, довольная уже тем, что задержала врага. Несмотря на все старания собак, им не удалось-таки

надолго задержать медведя, и он пустился наутек, видимо заботясь уже только о спасении собственной шкуры.

Не смея близко подойти к разъяренному чудовищу, собаки преследовали его по пятам сквозь чащу. Наконец тростники кончились, и перед медведем оказалось открытое место, которое он волей-неволей должен был преодолеть. Тут-то и ожидали отрезавшие ему отступление охотники, определившие по лаю собак выбранное животным направление.

В тот момент, когда медведь, выскочив из тростника, повернул налево, к реке, Робертс выстрелил. Тотчас же раздался и другой выстрел: то стрелял Куртис и тоже попал. Однако пули не остановили зверя. Заревев от боли и бешенства, он припустил к реке.

Робертсу не хотелось упускать знатной добычи. Он, с ножом в руке, сделал громадный прыжок, выскочил из оврага и догнал медведя как раз у самой воды. В тот самый миг, когда охотник, очутившись рядом со зверем, всадил ему нож в бок по самую рукоятку, раздался третий выстрел. Робертс, не заметив результатов этого выстрела, в порыве охотничьей страсти хотел вытащить свой нож, чтобы еще раз ударить медведя, но тот, сраженный третьей пулей, уже валился в реку, увлекая и охотника, и двух собак, вцепившихся в него.

Все это произошло в течение каких-то десяти секунд, и никто не успел опомниться, как все четверо скрылись в мутных водах Литл-Джен. Однако едва охотники добрались до берега, как на поверхности реки появились и охотник, и медведь, и собаки. Робертс спокойно подталкивал тело мертвого зверя к берегу. Тут только он заметил, с какой высокой крутизны они свалились в реку.

– Послушайте, Робертс! – закричал ему сверху Гарпер. – Как же мы теперь вытащим на берег тушу?

– Подождите вытаскивать зверя, а сначала помогите-ка мне взобраться к вам! – весело отозвался торжествующий фермер.

– А хорош ли и жирен ли медведь? – спросил Гарпер.

– Великолепен! – отозвался Робертс. – А если не верите, так прыгайте сюда и сами посмотрите!

– Ну уж благодарю! Лучше я вам на слово поверю!

Пока они перекликались, Ассовум наскоро соорудил из лиан нечто вроде лестницы, и вскоре охотник выбрался на берег. Потом индеец поднял по очереди собак.

– Как же быть теперь с медведем? – спросил Гарпер. – Ведь в нем, по крайней мере, фунтов триста. Не на веревках же его тащить вверх!

– Конечно, это невозможно, – отозвался Ассовум. – Видите вон те два сваленных дерева? Помогите мне скатить их в воду, к ним я привяжу медведя и, как на плоту, спущусь вниз по реке мили на полторы к ферме Баренса. А вы верхом поезжайте туда же. У Баренса я думаю быть к заходу солнца.

– Ай да Ассовум! – обрадовался Робертс, насквозь промокший. – Ведь у Баренса от фермы к реке сделан спуск, и там нам нетрудно будет втащить медведя на берег.

– Постой-ка, приятель, – сказал Куртис, – когда приплывешь к Баренсу, не показывай сразу нашей добычи. Он хвастался, что у него постоянно много убитой им дичи, так пусть он сначала угостит нас ею!

Индеец кивнул в знак согласия и затем, с помощью белых сбросив деревья в реку, принялся вязать плот. Вскоре туша медведя лежала на плоту, возвышаясь над водою, и восседавший на ней краснокожий довольно быстро плыл по течению на своем оригинальном сооружении.

– Какая, однако, умная бестия, этот Ассовум, – сказал Гарпер. – В лесу он поистине незаменим. Пора все-таки и в путь, – продолжал он, – иначе мы прибудем позже индейца!

Вдруг Гарфорд схватил Робертса за руку.

– Смотрите! Вы ничего не видите? – спросил он торопливо. – Вон там, в чаще, какой-то рыжий зверь!

– Боже мой, да это олень! Стреляйте, пока собаки не почуяли его, а то будет поздно!

Гарфорд прицелился и выстрелил. Олень подпрыгнул и скрылся в чаще.

– Ура, я попал! – радостно закричал он, подъезжая к тому месту, где раньше стоял олень. – Смотрите, вот и кровь, собаки уже почуяли ее!

Собаки были, действительно, здесь, но вели себя как-то крайне странно, хотя часть их бросилась следом за оленем. Этти остался на месте, нюхая траву и не обращая внимания на других собак, а Поппи тоже сидел рядом, подняв нос и завывая каким-то особенным образом.

– Что за чудеса? – удивился подошедший Робертс. – Что случилось с собаками? Право, можно подумать, что Поппи воет из-за того, что вы не попали в оленя! – сказал он, обращаясь к торговцу.

– Как не попал? – удивился тот. – Да ведь вот же и пятна крови!

– Совершенно верно: видите, здесь много кровавых пятен, но дело в том, что олень-то побежал в другую сторону, вон туда, к кипарисам!

– В таком случае, это кровь какого-нибудь другого животного. Вон и следы ведут к реке, – заметил Куртис.

– Как к реке? Да ведь убитый нами медведь бежал, по крайней мере, на милю выше по реке!

– Однако можно подумать, что здесь проходил и охотник, – сказал Куртис, вглядываясь в грунт. – Вот один отпечаток ноги человека, а вот и другой. Тут, очевидно, шли двое по кровавым следам.

– Конечно, так! – подтвердил Гарпер. – Рассмотрите повнимательнее следы: носки ног направлены к реке. Я полагаю, что они принадлежат Баренсу, убившему здесь какую-нибудь дичину, которой мы и полакомимся сегодня!

– Позвольте, но Баренс, кроме мокасин, не носит никакой другой обуви, – возразил Куртис, – а здесь отпечатки ног в башмаках с толстыми подошвами и сапог с каблуками, какие купил себе недавно Браун. А впрочем, может быть, у Баренса остановились какие-нибудь охотники, так это их следы.

– Если это так, – заметил Гарпер, – то мы всё разузнаем у самого Баренса.

В это время вой Поппи все усиливался. Собака так жалобно завывала, что привлекла к себе и остальных собак, которые, усевшись вокруг, составили довольно неприятный воющий хор.

– Нет, господа, – взволнованно сказал Робертс, – Поппи не ошибается: здесь убит не олень, а человек!

– Уверены ли вы в этом? – спросил Куртис.

– А вот сейчас осмотрим следы вплоть до реки, может, все и выясним.

Охотники согласились с мнением старого фермера и медленно двинулись к реке, тщательно рассматривая малейшие отметины на грунте.

– Вот где сложили ношу! – сказал Робертс, дойдя до смятых какой-то тяжестью тростников. – Отсюда, по-моему, она была сброшена в реку.

Куртис встал на колени, чтобы внимательнее изучить следы, как вдруг поднялся, сильно побледнев.

– Это был человек! – сказал он. – Вот тут отпечаток пуговицы, а здесь руки. Джентльмены, здесь совершено убийство! Так как теперь уже поздно и наши поиски вряд ли увенчаются успехом, я предлагаю отправиться на ночь к Баренсу, хорошенько заметив это место, а наутро продолжить расследование. Итак, в дорогу!

Изрядно утомленные, охотники без возражений сели на лошадей, переехали вброд Литл-Джен и поскакали к Баренсу, или старому болтуну, как его прозвали соседи.

Глава VII

Арканзасские вральи

Баренс, уже уведомленный подоспевшим чуть ранее Ассоувомом о прибытии охотников, поджидал их, стоя на крылечке своего дома. Индеец сидел тут же, занятый просушиванием своих мокасин. Лет пять назад старик Баренс, внезапно появившийся в Арканзасе, поселился в северных местностях этого штата среди невылазных болот. Чем он занимался тогда, никто не знал, да и сам фермер, вскоре покинувший те места и перебравшийся ближе к Фурш Лафав, не любил распространяться об этом. Поговаривали порой о страсти Баренса к чужим лошадям, но вся последующая, вполне безукоризненная, жизнь, да и полная невозможность заниматься кражей коней там, где их практически не было, говорили за то, что распускаемые слухи – всего лишь наветы завистников мирной жизни фермера. Единственным недостатком Баренса было лишь одно его пристрастие, которое Робертс вежливо назвал «грешить против истины». Это, однако, не мешало Баренсу сохранять самые дружеские отношения с окрестными фермерами, снисходительно выслушивавшими невероятные рассказы об его охотничьих похождениях.

Для пропитания своего и семейства, состоявшего из жены, двух дочерей и сына, уехавшего, впрочем, по неизвестным причинам из Арканзаса года за два до описываемых событий, Баренс разводил скот, засеивал небольшой участок земли маисом и держал несколько лошадей, находя, однако, что число их могло бы быть и побольше, но что атмосфера Арканзаса не слишком-то благоприятствует этому последнему занятию.

Дом Баренса ни в каком случае нельзя было назвать изящным. То была простая бревенчатая хижина, с крышей из грубых необструганных досок, покрытых дерном и камнями, да и вся жизнь, какую вел старик со своим семейством, мало чем отличалась от жизни обыкновенных, небогатых фермеров Арканзаса.

К прибытию охотников каждый член семьи был занят кое-какими хозяйственными работами. Под навесом какой-то человек пилил дерево на поленья. Одна из дочерей доила корову за плетеной из ветвей изгородью, тогда как другая, – черноглазая красавица, – держала теленка, мешавшего доению. Где-то хрюкали свиньи, блеяли овцы. У изгороди несколько орлов-стервятников, видимо почуявших запах падали, оглашали воздух пронзительными, неприятными криками.

Опытный глаз Робертса, только что показавшегося из-за поворота дороги, сразу подметил все эти подробности обычной картины сельской жизни.

– Ну, Баренс, вы должны простить меня! – закричал он хозяину. – Я, признаться, думал, что все ваши рассказы об удачных охотах – выдумка, но эти милые птички доказывают противное, и нам, значит, не придется ночевать на пустой желудок, как я предполагал раньше. А может быть, стервятники собираются клевать какую-нибудь павшую корову?

– Здравствуйте, дорогие гости, милости прошу! – приветствовал Баренс подъезжавших охотников. – Очень рад, что не забываете старика. А вам, Робертс, стыдно говорить такие вещи. У меня не найдется мяса? Да раньше мне доводилось добывать только собственным карабином по шестьсот-семьсот фунтов дичины в день! Вот Куртис может подтвердить это.

– Так-то так, – отозвался Куртис, – но не забывайте, что в том числе было и изрядное количество домашнего скота.

– Ах, полноте, милый друг, то были не домашние, а одичавшие буйволы и бараны! Ну, да все равно, об этом поговорим в другой раз. Слезайте же с лошадей, друзья мои, и входите в дом. Бетси, задай сейчас же овса лошадям, да присмотри, чтобы свиньи раньше не завладели кормом и не опрокинули ясли.

– Баренс, мне слышится запах какой-то падали. Вероятно, поблизости околело какое-нибудь животное? – спросил насмешливо Робертс, здороваясь с хозяином.

– Больно у вас чутье невероятное, старина! Никакой падали нет. Если же вы судите об этом по орлам, то ошибаетесь. Они часто прилетают сюда, когда почуют запах убитой мною дичи.

– Убитой вами? Так вы говорите, что это пахнет убитой вами дичью? Ассовум! – сердито окликнул индейца старик, видя, что тот втихомолочку усмехается. – Ты, вероятно, что-нибудь разболтал?

– Нет, мой белый брат. Это хозяин третьего дня заколол маленькую свинью, а глупые птицы хотят уже ее склевать.

– Уж не этой ли свиньей нас и будут сегодня угощать?! А где же олени? – спросил продолжавший иронизировать Робертс. – Ведь вы говорили, Баренс, что бьете их чуть не ежедневно.

– Я недавно ссадил себе ногу и вот уже два дня как не выхожу из дому! – ответил несколько сконфуженно хозяин.

– Очень жаль. Позвольте теперь представить вам моего соседа и друга, мистера Гарпера. Представленные пожали друг другу руку.

– Мне ваше лицо кажется очень знакомым, мистер Гарпер, – сказал хозяин, – но никак не могу вспомнить, где я вас встречал. Убей бог, не помню!

– После вспомните, дружище, – перебил его Робертс. – Слушайте-ка лучше страшное известие. Завтра мы с вами отправимся к оврагу, где растут кипарисы. Там, по всей вероятности, недавно было совершено убийство.

– Убийство! Что вы говорите!

– Однако это так. Жаль только, что наступающая темнота вынудила нас прекратить розыски и направиться к вам. Завтра же с рассветом мы отправимся туда, и все окончательно выяснится.

– Но позвольте! Я сегодня утром проходил мимо того места и ничего не заметил.

– Как сегодня утром? – поддел его Куртис. – Да ведь вы уже два дня не выходили из дому из-за ссадины на ноге?

– Ну, значит, это было третьего дня! – отпарировал Баренс. – Ведь не мог же я для вашего удовольствия скакать на одной ноге так далеко! Ну, да что тут толковать, – все-таки постарался замять свой промах хозяин, – входите же, господа. Вечером спустится густой туман, и в такую погоду лучше сидеть и греться у камина.

– Подождите, Баренс, – остановил его Робертс, – с вашей протухшей свиньи сыт не будешь. Ассовум, нужно позаботиться и о гостях и о хозяине, сходи-ка за медведем, которого мы привезли хозяину в подарок.

Баренс был радостно изумлен при виде громадной медвежьей туши. Общими усилиями она была вытащена из реки и разложена перед домом, где ее освежевали и лучшие куски выбрали на ужин.

Робертс тем временем вошел в дом и здоровался с хозяйкой.

– Очень рад вас видеть, дорогая миссис Баренс! Давненько мы с вами не видались. Что это вы совсем позабыли нас? Жена с нетерпением ждет вас к себе!

– Я с удовольствием побывала бы у вас, да муж стал так тяжел на подъем, что никак его не уговоришь собраться куда-нибудь.

– Ну а как поживают ваши дочери? Привыкают понемногу к нашей жизни? Впрочем, они, вероятно, не особенно-то тоскуют по прежнему своему житью среди болот. Очень уж там неважная местность. Как-то я проезжал там, и признаюсь, сторона эта мне очень не понравилась. Я останавливался тогда у богатого фермера, у некого Стронга, накупившего много негров-невольников...

– Остановите его, пожалуйста! – закричал с порога Баренс. – Беда, если он теперь заведет свою машину. Бьюсь об заклад, что он сейчас заговорит о войне за независимость и пойдет, и пойдет...

– Ну, Баренс, с вами невозможно разговаривать!

– Ладно, ладно, не сердитесь. Спасибо вам за сюрприз, он пришелся очень кстати и порядочно пополнит мои опустевшие было кладовые. То-то славно мы проведем сегодня вечер за медвежьим жарким и виски! Люси, принеси-ка кружку, что стоит возле кровати, да осторожнее, не разбей. Цыц! – закричал он на лаявших на дворе собак.

– Этим вы их не угомоните, – сказал Куртис, – они страшно голодны, оттого и лают. Отдайте-ка им лучше вашу хваленую свинью.

– Как? Отдать собакам такое чудное мясо?

– Да, что вам, жалко его, что ли? Ведь вы же чуть не ежедневно добываете охотой очень много мяса. По крайней мере, вы сами так говорили.

– Оно так и было, пока у меня не заболела нога.

– Подите вы со своей ногой! Вот нашли отговорку. А что это, Гарпер, вы так мрачно задумались? Вероятно, кровавые пятна не дают вам покоя?

– Конечно! – со вздохом ответил тот. – Посудите сами, эта история кажется очень сложной и загадочной.

– Ну, если вам это кажется странным, – сказал Баренс, – то что бы вы заговорили, если бы вам пришлось пожить на берегах реки Каш?! Во время моего пребывания там не проходило дня, чтобы река не выбрасывала на берег ежедневно два-три трупа.

– Но ведь та местность почти необитаема!

– Что ж из этого? Трупы, тем или иным путем, попадали в реку, и никто не заботился о том, как они туда попадают.

– О, мой друг, перестаньте рассказывать такие ужасы перед едой, а поберегите их на вечер. Пока же пойдёмте позаботимся о наших лошадях, а потом можно сесть и за ужин, – посоветовал Робертс.

Охотники согласились с ним и отправились на двор к лошадям. К их возвращению в хижине уже был накрыт стол, вокруг которого расселись мужчины на табуретках, бочонках и ящиках. Главным блюдом было, конечно, медвежье жаркое с маисовым хлебом; вареные тыквы, мед и молоко дополняли ужин. Бутылка виски во время еды несколько раз обходила стол, постепенно пустея. Гости ели молча, с жадностью утоляя аппетит, сильно разыгравшийся после такой охоты и прогулки на свежем воздухе. Только стук ножей о тарелки нарушал царившую в хижине тишину.

Когда голод был окончательно утолен, мужчины встали из-за стола, уступив место женщинам, которые, заранее отложив себе порции мяса и хлеба, стали есть на тех же тарелках.

Миссис Баренс, несмотря на то, что ей было уже сорок лет, сохранила еще следы былой красоты, которая и теперь бросалась в глаза. Только грязное ситцевое платье да растрепанные волосы несколько портили впечатление от ее гибкой и стройной фигуры.

Обе ее дочери, одетые поопрятнее, тоже были очень красивы, хотя явную неряшливость они, вероятно, унаследовали от матери.

Заметив, что женщины, кончив ужинать, уже убирали последнюю посуду со стола, Баренс отодвинул его в сторону, расчистив место у камина, около которого и расположились его гости.

– Теперь, друзья мои, – сказал он, – не пора ли заняться самым приятным трудом на свете – приготовлением кулиса?⁷

Такое предложение было встречено гостями одобрительным гулом.

– Но у нас нет масла! – заметила хозяйка. – Разве ты забыл?

– Зачем же нам масло, когда есть медвежье сало; оно еще лучше смешивается с виски! Что за великолепная страна Арканзас! Не правда ли, друзья мои?

---

⁷ Кулис – местный напиток из виски, масла, сахара, горячей воды и пряностей. (Примеч. авт.)

– Ну, положим, – счел долгом вмешаться Гарпер, развеселившийся при виде приготовления его любимого напитка. – По-моему, Миссури нисколько не хуже Арканзаса. Я жил там.

– Миссури! – изумился хозяин. – Да ведь это просто пустыня в сравнении с нашим штатом! А долго ли вы живете у нас, мистер Гарпер?

– Около шести недель.

– Ну, так вы не успели приглядеться к нашим краям. Стоит только хоть немного потрудиться на земле, и она даст сказочный урожай пшеницы – не менее ста бушелей с акра!⁸ Даже при совершенном запустении земля наша очень плодородна.

Гарпер даже глаза вытаращил от изумления; Куртис же и Робертс, знакомые уже с хозяином и его страстью приврать, только переглядывались между собою, ожидая, что будет дальше.

– У нашей земли есть еще то преимущество, – продолжал хозяин, – что раньше июня не приходится начинать посевов, до того здесь все так скоро растет. Горох и тыква растут со скоростью поезда, особенно тыквы. У меня вот недавно выросла тыква, которую едва обхватили десять человек, взявшись за руки и став вокруг нее.

– О, какая великолепная страна! – воскликнул Гарпер. – У вас, значит, здесь все в больших размерах. Я слышал, по крайней мере, что у вас особенно велики комары и древесные вши.

– Конечно, конечно! – подхватил Баренс, довольный даже и такой похвалой своей стране. – У нас комаров так много, что они прилипают друг к другу и целыми хлопьями валяются на землю; древесные вши, я сам видел, приподнимаются на задних лапах, чтобы слушать звон колокольчика на шее у коровы. Что же касается мух, то в жаркое время года они ходят на водопой к реке, как дикие животные. А что у нас за реки! – окончательно закусил удила Баренс. – Боже мой, что за реки! При впадении в море они вздымают волны, которые по величине поспорят с горами.

– Ага, это когда они впадают в море! Понимаю, понимаю! – заметил Гарпер.

– Ну да, конечно! А то куда ж они деваются? – с досадою спросил Баренс. – Не могут же они пропасть в песке! Куда впадает Литл-Джен?

– В Арканзас.

– А Арканзас?

– В Миссисипи.

– Прекрасно, а Миссисипи?

– В Мексиканский залив.

– Так разве я не прав был, говоря, что наши реки впадают в море? Ну, как же вы хотите сравнивать Арканзас с Миссури! А кто из вас бывал в центре нашего штата?

– Да все мы! – ответил Робертс.

– Тогда вы знаете, до чего камениста там почва. Там мне приходилось поднимать, одну за другой, овец за задние ноги, чтобы они могли достать траву из расщелин камней. Волки до того отошлали на этих скалах, что прислонялись к древесным стволам, когда хотели выть. Понимаете теперь разницу между Арканзасом и Миссури? А знаете ли, к каким мерам мне приходилось прибегать зимою, когда вышел весь корм для скота? Ну-ка, отгадайте!

– Да почему мы знаем? – сказал Куртис. – Вероятно, пускали в леса.

– О нет! Там скотина все равно ничего бы не нашла. Вода тогда замерзала, как мрамор, а деревья и кустарники были совершенно лишены даже коры. Средство, изобретенное мною, было куда оригинальнее. Слушайте же внимательнее! Вы помните Тома, что отправился в Техас? Помните, Куртис, этого беднягу? Ну, так вы должны знать, что он был такого громадного роста, что ему приходилось становиться на колени всякий раз, когда он хотел почесать себе голову. Он был оптиком в Филадельфии и говорил мне, что у него в чемодане остался

---

⁸ Более 100 центнеров с гектара. Для сравнения: в передовых современных хозяйствах урожайность озимой пшеницы не превышает 80 центнеров с гектара, яровой – до 30 центнеров с 1 гектара.

порядочный запас всяких инструментов. Тогда я попросил его сделать несколько пар очков с зелеными стеклами, а потом взял да и надел их своим коровам и баранам. Придумав такую хитрость, я подбросил скоту стружек вместо корму, а эти славные животные благодаря очкам в самом деле приняли их за траву, с жадностью набросились на них и даже разжирили от такого корма.

– Вот это загнул! – воскликнул Гарпер.

– Да, да, – продолжал Баренс, не давая тому сказать и слова, – у нас в Арканзасе гораздо лучше. Тут, по крайней мере, есть за чем поохотиться.

– Позвольте, однако, прервать вас на минутку, дорогой мистер Баренс! – вмешался Гарпер. – Миссурийские охоты не хуже. Я думаю даже, что подобных им нет на всем свете.

– Ерунда! – возразил Баренс. – Если здесь в окрестностях попадется медведь со слоем жира в пять дюймов, так его считают худым. А олени-то!

– Их ловят руками за ноги! – заметил Робертс.

Баренс с изумлением взглянул на говорившего, а Гарпер самодовольно ухмыльнулся при этом замечании.

– Ну, уж вы, кажется, заврались, дружище! – сказал хозяин. – Однако вот и вода закипела. Бетси, принеси-ка нам пунша, знаешь, моего любимого! Согласитесь, Робертс, – прибавил он, обращаясь к своему собеседнику, – что никто в мире не может перещеголять меня на охоте. Мелкую дичь, например, я и стрелять-то не буду, потому что у меня есть особый способ бить ее.

– Так что ж из этого? – сказал Гарпер. – И у нас кроликов дети ловят силками!

– Так то силками! – презрительно сказал Баренс. – Мне же и вовсе не нужны подобные снасти. Надо вам пожить в Арканзасе, чтобы поучиться всяким охотничьим хитростям. Как только наступит зима и выпадет снег, я отправляюсь в лес, находящийся отсюда...

– В двух шагах! – вмешался Куртис.

– Да, – невозмутимо продолжал рассказчик, – и кладу на опушке куски свеклы, посыпав их нюхательным табаком.

– И кролики едят нюхательный табак? – спросил изумленный купец.

– Едят табак? Да бог с вами! Они его нюхают, начинают чихать и чихают до того, что у них лопаются носы.

– Эта история о чихающих кроликах напомнила мне один охотничий эпизод, случившийся лично со мною! – подхватил Гарпер. – По соседству с моим домом притаился ястреб и таскал у меня каждый день по курице, а я никак не мог подстеречь его и подстрелить. Наконец, на четвертый день я заметил его сидящим в кустарнике, схватил свой карабин и отправился. Однако хитрая птица так спряталась в орешнике, что видна была только одна голова, смотревшая прямо на меня. Я обошел вокруг, а ястреб все время не сводил с меня глаз, не выпуская из виду. Так мне пришлось три раза обойти кругом, не сделав ни одного выстрела, как вдруг я слышу, что ястреб упал. Оказалось, что он, наблюдая за мной, свернул себе шею, чтобы не потерять меня из виду.

– Что ж тут удивительного? – заметил Баренс, всерьез принимая рассказ Гарпера. – Да в молодости я бегал не хуже дроф и ловил их на лету, если, конечно, они не поднимались очень высоко.

– Что касается искусства бегать, – сказал Гарпер, – то едва ли кто-нибудь в этом отношении сравнится с моим братом. Мне бы хотелось, чтобы вы узнали, как он охотится на куропаток.

– Надеюсь, он не ловит их на лету? – с усмешкой спросил Баренс.

– Конечно нет, но ему обычно удается после каждого прыжка вырвать перья у них из хвоста.

– А вот и кулис! – воскликнул Робертс, заведя входившую с напитком миссис Баренс. – Какая вы искусница, миссис Бетси! – прибавил он, пробуя кулис. – Право, медвежье сало при-

дает ему мягкость, не уменьшая крепости. Клянусь, я не рискну испортить его прибавкой хотя бы капли воды.

Мужчины стали пробовать напиток, принесенный Бетси, и похваливали его. Разговор на некоторое время прервался.

– Знаете, господа, – сказал Куртис, на минуту отрываясь от стакана, – я хотел бы послушать, что сказали бы миссис Робертс и Роусон, когда увидели бы нашего приятеля Робертса, с такой жадностью поглощающего пунш на медвежьем жиру!

– Роусон может убираться... куда ему угодно, – возразил тот, выпивая третий стакан кулиса и уже начиная чувствовать его действие. – Клянусь, что отныне я не позволю ему вмешиваться в мои дела. Я предоставил ему свою жену и дочь, пусть он делает с ними, что хочет, или, вернее, что они хотят, чтоб он с ними делал.

– Мне кажется, что они это делают уже и без вашего согласия! – возразил Куртис.

– Да, и это мне не особенно нравится. Ханжа Роусон с его вечно постной рожей мне не особенно по душе.

– Однако он, по-видимому, влюблен в вашу дочь и...

– И через месяц их свадьба. Впрочем, мне все равно! – сказал Робертс.

– Послушайте, джентльмены, – сказал неугомонный Баренс, – в былое время я страстно влюбился в одну женщину из Сент-Луиса. Как-то мне пришлось по торговым делам отправиться к рекам Миссури и Йелоустон. Каждый три дня я получал от нее по нежному посланию, которых мне, однако, из-за нехватки времени не удавалось читать. И представьте себе, с какой пылкой страстью были написаны эти письма! Когда я открыл сумку, где они лежали, там оказался лишь пепел, и больше ничего!

– Вот это анекдот! – расхохотались все присутствующие. – Браво, Баренс!

– Перестаньте шуметь, джентльмены! – вмешался любитель охоты, торговец. – Теперь уже поздно, пора бы и на боковую. Ведь завтра придется рано вставать, а я чертовски умаялся за день.

– Да, – сказал Робертс, вставая со стула и подходя к окну. – Звезды уже ярко сияют на небе. По-моему, уже половина одиннадцатого.

– Еще минутку, господа! – воскликнул Гарпер. – Уж если зашла речь о любви, то я расскажу вам об одной истории с моим отцом, который в молодости был большой дока по этой части. Лет восемнадцати он отколол такую штуку: посватался разом за трех сестер, и не зная, как выпутаться из беды, попросту сбежал. И вот однажды в Филадельфии зашел он к одному квакеру, оказавшемуся, к несчастью, братом этих девушек. Квакер⁹ сразу узнал отца, но не подал вида, а пригласил обедать. После обеда, сославшись на спешные дела, хозяин ушел, намереваясь захватить полицейского и арестовать гостя. Угадайте теперь, что он нашел дома, когда вернулся с констеблем?

– Да ничего особенного, по-моему, – ответил Баренс. – Вероятно, ваш брат снова сбежал.

– Сбежать-то сбежал, да не один, а с женой квакера!

– Удивляюсь, до чего может завратиться человек! – сказал Баренс на ухо Куртису.

– Теперь, господа, можно и на покой. Где у вас спальня, Баренс?

– Спальня? Ну, это довольно затруднительный вопрос! Вот здесь у меня стоят три кровати. На одной спят мои дочери, на другой – я с женой, а на третью, по-моему, должны лечь те, кто постарше, – Робертс и Гарпер. Куртис и Гарфорд расположатся на полу на шкурах. Ассо-вум тоже, вероятно, последует вашему примеру.

---

⁹ Квакеры – христианская община, возникшая в 1647 г. в Англии. Не имеет священников, называет себя «христианским обществом друзей» или «исповедниками света»; признавая главные положения протестантизма, верит в озарение внутренним светом, отвергает литургию (богослужение), таинства, присягу, военную службу; занимается благотворительностью. Община квакеров в настоящее время насчитывает более 200 тыс. членов, главным образом в США, Англии и странах Восточной Африки.

Краснокожий, весь вечер молчавший, очевидно не находя никакого удовольствия в фантастических рассказах Гарпера и Баренса, большими глотками пил виски. Когда все стали собираться спать, он завернулся в одеяло и пошел было к разостланным на полу шкурам, но у камина как-то подозрительно споткнулся и чуть не упал.

– Эге, любезный, – заметил шутливо Гарпер, – никак виски ударило тебе в голову?

– Никогда не следует обременять ни себя, ни своего желудка лишней ношей, – сказал индеец, растягиваясь на своем импровизированном ложе, – но добрый глоток виски никогда не лишний!

С этими поучительными словами краснокожий повернулся на бок и тотчас же захрапел.

– Вам все равно, с какой стороны спать? – спросил Гарпер у Робертса, раздеваясь.

– Нет! – машинально отвечал фермер.

– Так ложитесь под кровать! – рассмеялся Гарпер, укладываясь на постель.

Робертс счел за лучшее последовать примеру своего приятеля, уже храпевшего вовсю, и растянулся рядом с ним. Несколько минут спустя в хижине Баренса раздавался только могучий храп усталых охотников да треск догоравших в камине поленьев.

Ночь прошла совершенно спокойно, за исключением только того, что выведенный из терпения возней пробравшихся в хижину со двора собак Куртис вскочил с постели, ругаясь на чем свет стоит, и выгнал их наружу.

Глава VIII

Кровавые следы. Труп

Едва бродившие на дворе фермы Баренса петухи успели возвестить наступление утра, а на небе погасли звезды, как Бетси уже поднялась, стала прибирать хижину и печь маисовые лепешки. Немного погодя она разбудила дочерей и велела им толочь в ступке жареный кофе.

– Я сто раз уже говорила твоему отцу, – сказала она дочери, – чтобы он привез мне из Литл-Джена кофемолку, но он все забывает, думая только о своих охотничьих снастях; вот теперь и возись со ступкой. Небось виски не забыл привезти!

– Перестань ворчать, моя милая! – отозвался с кровати уже проснувшийся Баренс, услышав женины слова. – Будет сердиться.

– Тебе хорошо толковать! Разве я не права?

– Конечно, не права. Посмотри-ка там, налево вон от того ящика. Это что там за штука?

– Боже мой, да это кофемолка! – всплеснула руками обрадованная миссис Баренс. – Что ж ты раньше-то ничего не сказал, а заставил нас толочь кофе в ступке?

– Разве я видел, что вы там делаете?

– Эй, послушайте, Робертс! – закричал в это время Гарпер. – Оставьте мне хоть кусочек одеяла! Право, бессовестно стаскивать его совсем!

– Уделите мне хоть половину-то постели! – спросонок пробубнил тот.

– Половину? – спросил Гарпер. – Да с величайшим удовольствием. Только отдайте другую половину мне, а то вы захватили целых три четверти!

– Ну, друзья, будет спорить, пора вставать! – сказал Баренс, подходя к камину и беря бутылку с виски. – Выпьем-ка лучше нектара, улаждающего нашу жизнь. Самое лучшее средство для желудка – выпить виски натошак!

Это предложение сразу подействовало на лежавших охотников, и они поднялись с постели, исключая, однако, Гарфорда, продолжавшего храпеть во всю мочь. Лежавший рядом с ним, долго тряс его за плечо, но потом плюнул и заявил, что этот проклятый янки такой длинный, что его всего сразу все равно не разбудить.

Когда взошедшее солнце осветило вершины деревьев, Баренс с гостями уже восседали за столом, наслаждаясь вкусным завтраком, а его дочери, задав корму лошадям, выпускали из хлевов на двор свиней и домашнюю птицу.

– Знаете, Баренс, – сказал наконец Робертс, – поиски наших пропавших свиней придется отложить, так как срочно придется заняться делом, гораздо более важным, чем наши поросята, а между тем мне не хотелось бы, чтобы миссис Баренс стала упрекать вас за нерадивость.

– Свиней можно отыскать и позже, тем более что я надеюсь найти все стадо, за исключением, конечно, съеденных медведями, милях в двух отсюда, у низовьев реки. Недавно я встретил там стадо свиней с вашим клеймом, и, кстати, Куртис, видел одну свинью вашего отца, с черным пятном на левом боку.

– А, так, значит, старая свинья жива?

– Жива, она бежала окруженная девятью маленькими славными поросятами, вертевши-мися у нее под ногами.

– Вот так штука! – обрадовался Куртис. – Только, чур, Баренс, не говорите об этом ничего отцу. Вчера я сказал дома, что свинья издохла. Теперь я ее сторгую у отца, раз она считается пропавшей, и за тридцать долларов приобрету свинью с поросятами.

– Удачная мысль! – смеясь, заметил Гарпер. – Вы, Куртис, ловкий, однако, парень: норовите надуть даже и отца родного.

– Как надуть? – возразил Гарфорд. – Честная торговая сделка не может быть названа надувательством. Отец Куртиса может продать свинью и за глаза.

– Ну, конечно, для янки все является честной торговой сделкой, что и говорить! – сказал Баренс. – Однако солнце поднялось уже довольно высоко, пора нам, пожалуй, и отправляться. Если там действительно совершено убийство, то надо попытаться изловить и убийцу, хотя вряд ли он нас дожидается. Вчера утром я проходил мимо тех мест и встретился там с мистером Брауном.

– Билл? – воскликнул Гарпер. – Да не может быть! За каким чертом ему понадобилось ехать той дорогой?

– Разве он не говорил вам, куда отправился?

– Говорил. Вероятно, возвращаясь из Фурш Лафава, он сбился с пути. Идемте же, идемте! Сюда мы вернемся не ранее полудня.

Охотники распрощались с любезными хозяевами и отправились к реке. При переправе через нее Ассовум взобрался на лошадь позади Гарпера, не желая мочить ног и отставать от белых. Переправившись через реку, охотники рысью поехали к тому месту, где вчера видели кровавые следы.

– Стойте! – закричал Ассовум, соскакивая с лошади Гарпера. – Вот вчерашнее место, не ходите по нему, чтобы не затоптать следов!

Охотники безоговорочно приняли совет краснокожего, тотчас же слезли с лошадей и привязали их поодаль к деревьям.

Индеец пошел первым и остановился у первого найденного следа. Он внимательно разглядывал землю, не пропуская ни одного листика, ни одной травки. Затем он медленно тронулся вперед, продолжая внимательно изучать следы. Вдруг он остановился, еще раз присмотрелся к земле и знаком подозвал охотников, тесным кружком обступивших его. Несомненно было, что Ассовум нашел место, где было совершено убийство. Около ствола упавшей сосны, опутанного разросшимся вокруг него кустарником, виднелись следы лошадиных копыт. По всей вероятности, всадник был поражен пулей, но не убит, а лошадь отпрянула сторону.

– Я думаю, что пуля попала в лошадь, а иначе всадник был бы выброшен из седла! – заметил Робертс.

Краснокожий, не говоря ни слова, указал на ствол другого дерева, росшего в двух шагах от поваленного. Футах в десяти от земли на нем были ясно видны кровавые пятна.

– Боже мой! – с ужасом воскликнул Гарпер. – Этот всадник ударился головой о дерево и упал вот сюда!

В этом месте земля была истоптана следами человеческих ног. Видимо, убитый мужественно и долго защищался от убийц. С некоторых ветвей были сорваны листья: раненый, по всей вероятности, хватался за них руками, стараясь удержаться на ногах. Здесь-то он и упал, так как тут больше всего пролилось крови: все окружающие кусты и трава были ею забрызганы.

Судя по отпечаткам, труп лежал здесь некоторое время. Охотники молча рассматривали следы убийства.

– Смотрите, – сказал индеец, опять подзывая к себе белых, – два человека несли труп по направлению к реке.

– Да, мы это знаем из вчерашнего осмотра!

– Вот здесь они остановились, – сказал краснокожий. – Ага, вот и оружие! – радостно воскликнул он, поднимая что-то с земли.

То был небольшой окровавленный нож, не то перочинный, не то охотничий.

– Не этим же негодяи убили свою жертву! – возразил Робертс. – Но, во всяком случае, дай-ка нож сюда, быть может, я узнаю, чей он.

Гарпер также подошел посмотреть находку Ассовума, но ни тот ни другой не могли сказать, кому он принадлежал. Нож был совсем новый и не носил на себе никаких пометок, сам же по себе он не представлял для охотников никакой ценности.

– Тем не менее я оставляю нож у себя, – сказал Гарпер. – Мало ли что может случиться! Авось он нам поможет найти убийц. Однако прежде нужно стереть с него кровь! – сказал он, чистя лезвие о землю.

– А это что такое? – спросил Ассовум, указывая на свежевзрытую землю недалеко от сосны, под которой было совершено убийство.

– Не тут ли зарыт труп? – высказал предположение Гарфорд.

– Ну вот глупости-то! – сказал подошедший Куртис. – В такую яму и собаки-то не положишь, не только человека! Правда, землю здесь рыли, но чтобы таскать куда-то. Зачем она им могла понадобиться?

Краснокожий, все продолжавший рассматривать землю, поднялся и сказал:

– Тело утопленника обычно вскоре всплывает, и тогда его нетрудно найти где-нибудь в тростниках у берега реки, если же его набить землей, то он навсегда останется на дне.

– А, теперь я догадываюсь, что негодяи делали этим ножом! – с ужасом воскликнул Гарпер. – Они им разрезали живот убитого. Это ужасно! Друзья, неужели мы так и не узнаем, кто был этот несчастный?

– По всей вероятности, нет, – отвечал Робертс, – потому что это знает только вода, скрывающая теперь его, а впрочем... Ассовум, что это ты делаешь? Что ты надумал?

– Я плету веревку, чтобы нырнуть в реку, – скромно отвечал краснокожий, содрав с дерева кору и сплетая из ее волокон веревку.

– И ты рассчитываешь таким способом найти труп? – удивился Робертс.

– Да, – хладнокровно отвечал индеец, продолжая свою работу. – Если труп на дне, я достану его.

С этими словами он разделся и уже собирался броситься в воду, как был остановлен торговцем, все время внимательно следившим за ним.

– Постой, – сказал Гарфорд. – Обвязывать труп веревкою и затем тащить его будет трудно. Возьми-ка лучше вот это! – и он подал индейцу большой рыболовный крючок.

– Прекрасно! – кивнул Ассовум, тотчас же привязывая поданный ему крючок к веревке.

Индеец осмотрел еще раз берег, отыскивая место, где, по его мнению, был сброшен в воду труп, и, видимо оставшись доволен осмотром, бросился в воду.

Несколько мгновений охотники молча стояли на берегу, глядя на расходившиеся по воде круги; поднимавшиеся в одном месте пузырьки показывали, что Ассовум деятельно роется в тине. Еще через пару минут на поверхности показалась черная голова индейца. Он вынырнул, отдышался и поплыл к берегу, причем не выпускал из рук веревки.

Охотники с напряженным вниманием смотрели на подплывающего индейца.

– Ну, что? – не утерпел Робертс. – Нашел что-нибудь?

– Я его нашел было на дне, но тут меня стало относить течением. Принесите-ка мне камень, – сказал Ассовум, в совершенном изнеможении опускаясь на траву, – я страшно устал, и мне надо собраться с силами!

– Разве ты опять намерен отправиться на поиски утопленника? – удивленно спросил Гарпер, пораженный мужеством краснокожего.

Пока Гарфорд бегал за камнями, в изобилии валявшимися на берегу, индеец отдохнул. Вскоре торговец вернулся с громадным булыжником и передал его Куртису, крепко обвязавшему булыжник веревкой.

– Ну-с, все готово, дружище! – сказал он, передавая веревку с камнем индейцу. – Берите это в левую руку и спускайтесь на дно. Когда вам понадобится подняться, выпустите только камень из рук – и все дела.

Но Ассовуму не нужно было ничего объяснять. Он молча поднялся, передал один конец веревки Куртису, а другой, с крючком, осторожно взял в руки, спустился к реке и нырнул. На этот раз он гораздо дольше не всплывал на поверхность, так как благодаря камню мог тща-

тельное исследовать дно. Наконец, веревка натянулась, на воде показались пузырьки, а вскоре и голова Ассовума. Его лицо было бледно, как у мертвеца, глаза выпучились, будто хотели выскочить из орбит. По всему было видно, что индеец нашел на дне реки что-то страшное. Он с усилием переводил дыхание, медленно подплывая к берегу.

– Вережка натянулась! – закричал Куртис, державший конец ее. – Несомненно, Ассовум нашел труп!

Пока индеец, выбравшись на берег, отдыхал, охотники общими усилиями тащили веревку. Наконец на поверхности воды показалось тело, зацепленное крючком за одежду. Индеец, не медля ни минуты, схватил его за плечи и вытащил на берег. Все бросились к ничком лежащему трупу и с замиранием сердца смотрели, пока индеец переворачивал его на спину. Едва он успел это сделать, как у всех четверых вырвался общий крик изумления:

– Гитзкот!

Несколько минут прошли в совершенном молчании. Охотники, пораженные страшным зрелищем, не трогались с места. Труп несчастного предводителя регуляторов представлял действительно жуткую картину. Живот был распорот и набит землею и камнями. На лбу зияла большая черная рана, а небольшое отверстие в груди показывало, где засела пуля.

Первым оправившись от изумления, Робертс склонился к мертвецу, осмотрел рану повнимательнее и спросил Гарпера:

– Какого калибра винтовка Брауна? – Вопрос этот он задал несколько нерешительным тоном, как бы колеблясь произнести имя племянника при дяде.

– Шестнадцатого! – ответил Гарпер не задумываясь.

– Посмотрите, – сказал Куртис, тоже наклоняясь к трупу и, видимо, поняв подозрение Робертса. – Рана нанесена пулей шестнадцатого калибра.

– Что ж из того! Уж не предполагаете ли вы, что мой племянник виновен в этом преступлении? – возмущенно произнес Гарпер, обращаясь к окружающим.

– Виновен ли в этом преступлении Браун? – переспросил Куртис. – Конечно нет! Ни один судья во всем Арканзасе не посмеет обвинить его в убийстве. Все ведь прекрасно слышали, как Гитзкот грозился при первом удобном случае убить Брауна. Что ж мудреного, что ваш племянник позаботился отправить на тот свет его самого? Будь я на его месте, я сделал бы то же самое. Жаль только, что погиб совершенно здоровый молодой парень, который бы мог быть полезен и себе и другим. А впрочем, не тем будь помянут покойник, он был известный негодяй, которому доставляло величайшее наслаждение ссориться, драться и грозить всем, кто ему придется не по нраву. С подобными личностям одна расправа – пуля в лоб, и баста! Только одного я понять не могу, зачем понадобилось убийце распарывать Гитзкоту живот, набивать землей и бросать в воду? Не проще ли было бы оставить его на съедение хищным птицам? Смотрите, ведь орлы так и кружатся над нами, и если мы не приберем куда-нибудь труп, они мигом разделаются с ним. Как вы думаете, друзья, что нам делать с телом?

– По-моему, – отозвался Робертс, – уносить отсюда труп или вообще трогать его не следует. Пусть он останется там, где его вытащили, как улика. Завалим его ветвями и камнями, а сами отправимся заявить о нашей находке в город. Судья отправит тогда на место преступления констебля, который уж и приберет труп. Ба, Гарфорд! – закричал вдруг фермер, увидя, что торговец внимательно осматривает складки кожаной блузы, которая была надета на Гитзкоте. – Что вы там делаете?

– У этого человека, – серьезно произнес Гарфорд, покончив со своими поисками и поднимаясь с колен, – в кармане блузы находились четыреста семьдесят долларов. Я сам это видел вчера. Выпасть деньги не могли, так как карман наглухо застегивается. Смотрите, он выворочен, и денег как не бывало!

– Так вы осмеливаетесь подозревать, что мой племянник вор? – бешено закричал Гарпер, выхватывая из-за пояса нож и бросаясь на обидчика. – Посмейте еще раз повторить ваше гнусное обвинение!

Вполне допускавший возможность убийства Гитзкота племянником, Гарпер не мог позволить заподозрить его дорогого Вильяма в воровстве.

– Постойте, – вмешался Робертс, удерживая рассвирепевшего Гарпера за руку. – Никто и не обвиняет вашего племянника в воровстве. Многое позволяет нам думать, что Браун – виновник смерти Гитзкота, но нет ни одного повода приписать ему второе преступление. К тому же, все мы воочию убедились, что здесь орудовали два человека.

– Так кто же этот второй?

– Этого мы не знаем. Мы нашли только следы двух человек, один из них был в сапогах, другой в башмаках. Весьма вероятно, что Браун отомстил Гитзкоту, убив его, а другой, воспользовавшись удобным случаем, обобрал труп.

– При Брауне этот другой не посмел бы сделать подобной вещи. Племянник не допустил бы этого! – возразил Гарпер.

– Несомненно, – подтвердил Робертс, – он бы не допустил ничего подобного, если бы увидел, что хотят обобрать труп. Однако, как бы то там ни было, в кармане у Гитзкота, я знаю, находилась порядочная сумма денег, подозревать же племянника Гарпера в воровстве, повторяю еще раз, невозможно. Стало быть, ее взял тот, кто помогал ему в деле мщения. Кто он? Никто из нас сказать этого сейчас не может.

– О, как все это ужасно! – воскликнул Гарпер, отходя в сторону и садясь рядом с Ассо-вумом, расположившимся у подножия раскидистого дерева.

Индеец, за все это время не проронивший ни слова, сидел, мрачно задумавшись, опустив голову на скрещенные руки.

– Что ж, господа, – сказал Куртис, – торчать тут, по соседству с трупом, едва ли кому-нибудь приятно. Возьмемся-ка за дело, да и домой!

С этими словами он стал собирать на земле ветви, чтобы завалить ими труп убитого.

– Вы правы, Куртис, – сказал Робертс, также принимаясь забрасывать мертвеца громадными сучьями, упавшими с стоявшего неподалеку гиганта дерева. – Еще несколько таких ветвей, и хищным птицам не подобраться к трупу; ну а волки бродят только по ночам.

Работа Робертса и Куртиса скоро была завершена. Завалив труп ветвями, они подошли к Гарперу, Ассо-вуму и Гарфорду, остававшимся молчаливыми и безучастными свидетелями их печальной работы. Видя, что все уже кончено, охотники направились к лошадям. Гарпер молча поплелся сзади. Он как-то осунулся, и лицо его побледнело. Правда, никто не посмел бы укорить его или его племянника в убийстве, но ведь могло возникнуть подозрение, не убил ли Браун Гитзкота внезапно из засады. Эта-то мысль и беспокоила справедливого охотника, и он, понуря голову, машинально шел за своими товарищами. Так же машинально уселся он на лошадь, предоставив ей полную свободу идти, куда хочет. Гарпер даже не заметил, что Ассо-вум, сидевший с ним рядом под деревом, не шелохнулся и не пошел вместе с белыми.

Пока охотники садились на лошадей и один за другим скрывались за деревьями, Ассо-вум неподвижно сидел под деревом, устремив глаза в землю, но как только замолк топот копыт лошадей белых, индеец снова поднялся и снова начал внимательно исследовать место кровавой сцены. Вытащив свой нож, он измерил им и отметил на рукоятке томагавка длину и ширину найденных следов. Наконец, убедившись, что он сделал все, что только возможно, осмотрев все до мельчайших подробностей и все запомнив, краснокожий перекинул за спину винтовку, бросил последний взгляд на труп регулятора, прикрытый ветвями, и углубился в чащу леса по направлению, совершенно противоположному тому, куда направились его белые друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.